

КИЕВ
НЕ ПРОПАДЕТ

ХРОНИКА
КИЕВСКИХ
БУДНЕЙ

18+

Сергей Олегович Страхов

Киев не пропадет.

Хроника киевских будней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25438668

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-12673-2

Аннотация

Зарождение и становление криминального, «бригадного» сообщества в Киеве с конца 60-х годов прошлого века. Автор, до мозга костей киевлянин, открывает нам неизвестные страницы недавней истории родного города. Не часто встречаются такие интересные книги с таким объемом фактажа и правды. Читателей ждет продолжение книги с более подробным описанием «бригадных» 80-х, 90-х, и «нулевых». Многие города имеют свои летописи криминального мира. В Киеве такая книга, основанная на богатом личном опыте автора, с огромной фактографией, появилась впервые.

Содержание

Часть 1	6
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	19
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Страхов

Киев не пропадет.

Хроника киевских будней

И когда корабли ушли, люди вечерами ждали их возвращения. Но никто не возвращается. Нет улиц, на которых бы появлялись тени ушедших.

Александрю Максимову, Валерию Николенко, Юрию Поцелуеву, Владимиру Ковтуну, Владимиру Радину, Юрию Серебрякову, Анатолию Коверзню, Александру Шуберту, Владимиру Филиппову, Олегу Козлову. Посвящается...

Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица,
А память, – как колодец, глубока.
Попробуй заглянуть – наверняка
Лицо – и то – неясно отразится.
Одни его лениво ворошат,
Другие неохотно вспоминают,
А третьи – даже помнить не хотят, -
И прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают.
И поток годов унес с границы
Стрелки – указатели пути, -

Очень просто в прошлом заблудиться -
И назад дороги не найти.
С налета не вини – повремени:
Есть у людей на всё свои причины -
Не скрыть, а позабыть хотят они, -
Ведь в толще лет еще лежат в тени
Забывтые заржавленные мины.

Владимир Высоцкий

Часть 1

Глава 1

В то время как Земля несется с громадной скоростью по бескрайним просторам Вселенной, где мы в этой бесконечной круговерти света и тьмы? Что делаем мы в этом сказочном мире? Есть ли мы, были ли мы? А если и были, то зачем? Сколько микроскопических мгновений отделяет наше прошлое от нашего будущего, и знает ли Великий Космос, в каком именно мгновении находимся мы сейчас, или ему это все равно?

Где это я? Иду по Борщаговке, одному из старо-новых киевских районов. Сюда расселяли маявших всю жизнь по коммуналкам киевлян из Центра и Подола, Святошино и Печерска, Соломенки и Шулявки. И люди были довольны.

У каждой семьи была своя собственная квартира, а у многих членов семей даже свои собственные комнаты. Стало не нужно занимать очередь в туалет и к умывальнику по утрам. В каждой семье появилась ванная, и мы постепенно стали забывать о банях: на окраинах – грязных, общих, в центре – чистых, но дорогих. Тогда о большем и не мечтали.

Возле каждого дома вдоль первых этажей разбивались палисадники, и высаживалось множество цветов. Кругом росли и розы, и хризантемы, и красивейшие пионы, и кусты бе-

лоснежного, головокружительного жасмина. А сирень! Бежевая, лиловая, всех оттенков фиолетов, пурпурная, розовая, серебряная, голубая и почти черная! Все дворы переливались и благоухали всеми мыслимыми и немыслимыми цветами радуги. Весной, летом и осенью было очень красиво.

Многие рядовые киевляне уже жили на Сырце, Нивках, Сталинке, Отрадном и Нижнем Печерске, имели подобные квартиры и частенько посматривали на нас, еще не заселенных в эти, как нам тогда казалось, роскошные апартаменты, свысока. Жизнь вокруг была радостна и бесконечна, квартиры просторны, будущее стабильно и светло. Многие верили в коммунизм, в который нас уверенно вели проходимцы всех мастей. Или хотели верить...

Что-то часто я стал сюда приезжать. Оставляю машину во дворе бывшего своего дома и бесцельно брожу по полуразрушенным борщаговским улицам. Серые и коричневые облезшие фасады домов, вытоптанные, как в цыганской деревне Пески, палисадники. Ни единого цветочка возле дома. Грязные тротуары, все в выбоинах и пошедшие волнами от проросших корней высоких тополей. Годами не просыхающие черные лужи. Густой зловонный пар, вырывающийся из подвалов почти в каждом подъезде. Что случилось с этим заброшенным, а когда-то светлым и радостным, местом? Такое чувство, будто ты ходишь по кладбищу. Но там ты никого не знаешь, а здесь...

Вообще – жуткое место. Надо заканчивать с этими экскурсиями: так и с катушек недолго слететь. Завтра же беру билет и лечу к своим в Штаты.

Глава 2

Киев, Мюнхен, Дэнвер – и вот уже я медленно иду по Даунтауну и ем вкуснейшее мороженное в золотистом стаканчике. Хорошо здесь! Настоящий город! Небоскребы, банки, отели, магазины, бары, кафе, рестораны, забегаловки на свежем воздухе.

И везде кипит жизнь. За столиками сидят богачи и просто солидные люди и пьют свое вино, пиво и кофе. Между столиками шныряют веселые прилизанные официанты с красными, зелеными, желтыми, синими и даже голубыми закусками на подносах. Бегают и кричат дети, лазают по горкам, плавают на байдарках по искусственным озерам.

Все лавочки на бульваре забиты зеваками. Через каждые сто метров лабают и гитаристы, и аккордеонисты, и саксофонисты, и различные группы всевозможных составов. И все талантливы. Лабают на совесть. Халтуры нет.

Ба, а кто это там сидит за вторым справа от стойки бара столиком? Уж не Бонек ли? Что-то очень похож. Присяду рядом, пригляжусь.

Бонек: чуть ли не единственный из бригадных генералов, кто остался жив после всех перипетий времен становления рыночных отношений на Украине и первичного накопления капитала нынешними бизнесменами, как они себя сами на-

зывают. На самом деле никакие они не бизнесмены, а обыкновенные бандиты и жулики.

Бригада Бонека в лучшие свои времена доходила до двухсот человек и контролировала практически весь Левый берег Киева, где имела постоянные стычки с другой, наверное, еще более могущественной бригадой Савлоховых, которая также положила глаз и на левобережье. Бонеку удавалось держаться на равных со всеми еще и потому, что в бригаде было значительное количество уроков, а это люди в большинстве своем бесстрашные и дадут фору чуть ли не любому бандиту-спортсмену.

Вначале главным источником финансовых поступлений был рэкет и вымогательство. Контролировала бригада, кроме всего прочего, знаменитый киевский рынок «Патент». Тогда еще такие люди бравировали понятиями, носили при себе оружие и корчили очень страшные рожи во время разговора с барыгами и терпилами. Бонек даже был арестован за вымогательство где-то в начале девяностых, но благодаря тому, что имел приличные связи и с ментами, и с администрацией города, был выпущен без последствий для себя.

Пришлось начинать легализоваться. Сначала зав. производством в кооперативе «Чайка», потом в администрации рынка «Патент».

Удалось прибрать к рукам и рынок «Юность», который еще долго будет играть одну из ведущих ролей в общекиевской бандитской жизни. Но качественный скачок бригада

Бонка совершила, когда за дело взялись господа Вассерман и Котляревский.

Как и положено, первым делом они взялись за документы, и обналичка приняла небывалый размах. Были учреждены фиктивные фирмы, назначены зиц-председатели, такие, например, как Широков. Уже назначен на должность смотрящего за «Юностью» Мосейчук, который держал всех торговцев в черном теле и никогда не расставался с оружием.

Пошло дело. Огромные доходы, исчисляемые приблизительно в один миллион долларов ежемесячно, приносил только рынок «Юность». Основу этой суммы составляла торговля контрабандным подакцизным товаром, плата с торговцев за охрану от других бригад.

Активно разрастался базар, возводились новые торговые ряды – уже для оптовой торговли, уплотнялась территория.

А в 1997 году фирма «Спек» заключила договор на аренду земли между Бонком и руководством Больницы скорой медицинской помощи для установки тысячи торговых мест на территории, принадлежащей больнице, сроком на 10 лет.

Ну что ж, благое дело! Заработала и нищая больница. Не уверен, правда, что львиную долю бабок не украли тогдашняя администрация больницы. Договора же тогда все заключали: официальный на бумаге на копейки и неофициальный на слово на огромные суммы в валюте. Наличманом, как говорят.

В 1995-м году городское начальство наметило расширить

сеть коммерческих рынков. Официальная причина – упорядочение розничной торговли. Неофициальная – решили подзаработать на новых рыночных отношениях. Больше рынков и всевозможных рундуков в городе – больше взяток на всех уровнях, стекавшихся сначала малыми ручейками, превращавшимися в огромные потоки, текущие наверх, в карманы руководству.

Понятно, что заинтересованы были в расширении и киевские бригады. Один рынок планировали создать на Троещине, но никак не могли решить, кто будет вкладывать средства в строительство? На тот день существовало два реальных кандидата: Прыщ и Бонек...

Другой большой рынок планировался на стадионе возле метро «Святошино». Придумал все это владелец находящегося рядом Святошинского продуктового рынка и директор Борщаговского рынка. Он и мне предлагал этим заняться. Слава Богу, хватило ума не лезть в очень опасную кашу. Там за дело взялась тяжелая артиллерия. И директор Авиационного завода, в ведении которого была вся близлежащая земля, это и провернул. Хороший был человек. Очень уважал моего бату и помог нам получить квартиру на Борщаговке.

А на «Юности» пока бесконечные терки и разборки. То в ночь на 6 ноября 1996 года в Киеве на проспекте Ватутина был расстрелян автомобиль, в котором находился Валерий Агаев, по кличке Прошка. Дело в том, что между Агаевым и Бонексом накануне приключились серьезные разногласия из-

за кафе «У дуба», расположенного возле станции метро «Пионерская» на Броварском шоссе. Бонек вложил свои деньги в реконструкцию кафе, а Агаев выгнал оттуда его людей и кафе единолично прихватизировал. Прошка остался жив и подался в шансонье.

То в феврале 1998 года в Киеве на Подоле возле казино «Запорожье», произошла стрелка представителей Киселя и Савлоховых. Со стороны Савлоховых присутствовали Тимур Савлохов со своими людьми и Бонек со своими. Со стороны Киселя прибыл его сын в окружении десятка телохранителей. Все прибыли с оружием.

На разборках присутствовал и Франк – один из учредителей казино. На встрече савлоховцы выдвинули претензии к Франку, который написал заявление в киевское УБОП, где витиевато расписывал драку между савлоховцами и кисилевцами в этой известной кабачной и казино одновременно. Бонек в указанном казино имел долю, и поэтому приехал поддержать савлоховцев. И вот уже и Франк застрелен.

Или вот еще история. Ночью 6 ноября 2000 года Паша и Игорь по прозвищу Циклоп сидели в кафе на территории рынка «Юность» и пьянствовали. Оба раньше трудились у Боника, но, после того, как он присел, сменили хозяина: Паша перешел к савлоховскому бригадиру Самолету, а Игорь – к Ткачу. Изрядно выпив, приятели стали выяснять отношения с двумя бывшими коллегами – бригадирами Боника: Козаком и еще одним, который был должен Паше.

Как водится, выяснение отношения переросло в массовую драку, в которой приняли посильное участие охранники базарной камеры хранения, находящейся за кафе «Кронос», охранники с пивзавода «Троя», охранники склада фирмы «Кронос». Все такие охранники в обязательном порядке входят в бригаду, скарб которой охраняют. Во время драки Паша и Игорь были забиты. Трупы охранники положили в машину и вывезли в неизвестном направлении.

Через несколько дней по поводу драки и исчезновения Паши и Циклопа произошли разборки с участием Бонек, Самолета, Купца и Ушастого. Последний вроде бы был уже в законе. На сходке признали, что драка произошла на бытовой почве. Бонеку предложили выдать трупы для человеческого захоронения. Однако трупы он, почему-то, не выдал. Видимо, они к тому времени были уже уничтожены.

Охранники, принимавшие участие в драке, скрылись. Ушастый потребовал выдать бригадиров, чтобы найти трупы. Но и после этого Бонек своих бригадиров не выдал. И это спокойно сошло ему с рук.

И так – каждый день.

На то время рынки были основным местом зарабатывания первоначального капитала бандитскими группировками. А посему, неминуем конфликт интересов. И почему один Бонек должен снимать пенки с такого монстра как «Юность»? Но, все-таки, первыми жертвами большого передела стали члены банды Конона, также претендовавшего на долю дохо-

дов «Юности». Бригадных Конона избili прыщевцы, да так, что некоторые из потерпевших стали инвалидами. Помимо Прыща, Бонек, и Конона на рынок положили глаз и другие претенденты.

Бонек это всегда учитывал и не зевал. Он постоянно ездил под прикрытием 4-5 машин охраны. В то время постоянным местом дислокации Бонек был пивзавод «Троя», расположенный на массиве Троещина. Во время проведения стрелок по периметру комплекса стояла охрана с винчестерами.

В 1998-м году страсти вокруг «Юности» накалились до предела. Бонек объявил о закрытии рынка – якобы на реконструкцию. Авторитет известил окружение и деловых партнеров: Киселя, Черепа, Конона, Татарина, Ларика и других, что он лишь исполняет решение градоначальника. Начались бесконечные стрелки всех со всеми и, наконец, выяснилось, что градоначальник здесь ни при чем. Таким замысловатым способом Бонек решил поднять свои ставки и что-нибудь себе вымутить на этом.

И авторитетный Ларик, поддерживавший всегда Бонек, пригласил в Киев трех воров в законе, которых возглавил Блондин, для того, чтобы разрулить этот запутанный клубок проблем. Пытались к данным разборкам подключить и Киселя, но Кисель умело съехал с темы....

Штаб-квартира Бонек на то время находилась в ресторане «Лео», расположенном в кинотеатре «Россия» на Лесном массиве. Каждую пятницу здесь собирались самые влиятель-

ные члены бригады. Общее дело непрестанно расширялось. Уже созданы новые фирмы прикрытия.

Почему вдруг в Бортничках? Да потому, что Бонек и здесь прикормил и суд этого, прилегающего вплотную к Киеву, городка, и местную налоговую. Я даже не знаю, у кого еще в Киеве были большие связи в различных администрациях, чем у Бонека. И это при том, что основу банды составляли чистые уголовники. Вот так-то и создавались первоначальные капиталы всех ныне уважаемых (вот только кем?) бизнесменов, да и прошлых чиновников (государевых людей, как они любят себя называть).

Неприятности настигли сына Бонека. Еще в середине 90-х, во время прогулки по улице, Бонека-младшего покусала собака. Сын, переволновавшись, зарезал и собаку, и ее владельца, а затем подался в бега – за океан. Но там был арестован полицией и, по решению суда, экстрадирован на родину.

Якобы инкогнито, Бонек летал в Штаты, чтобы уладить дело, но кто не знает, то сообщу, что там такие шуточки не проходят. Это страна, где уважают Закон. Вряд ли Бонек этого не знал. Скорее всего, он проверял работу своих американских фирм, зарегистрированных на подставных людей.

Но конкуренты не дремлют, и 6 мая 1999 года при обыске на даче Бонека милиция изъяла гранату РГД и несколько десятков патронов. Никто не сомневался, что это добро ему подбросили. Как бы там ни было, но Бонек присел....

В СИЗО Бонек сдружился с Тимуром Савлоховым, после

чего отношения с савлоховцами у него нормализовались.

Долго Бонек в тюрьме не задержался. Да так не задержался, что приятельские отношения у него сохранились в трудную минуту и с директорами Дарницкого мясокомбината, и пивзавода «Оболонь», и Киевской табачной фабрики.

Хорошие отношения сложились у Бонека с Прыщем, так как Прыщ вложил крупную сумму в строительство рынка. Но после очередного передела Прыщ от рынка, почему-то, отошел.

Во время недолгой отсидки бизнес Бонека не распался, как бывало в других бригадах. Криминальная машина работала четко и слаженно. Подставные директора не подвели.

Слышал я, что сегодня, помимо легального бизнеса, Бонек практикует скупку драгоценных камней, которые раньше переплавлял за границу. Свой золотовалютный резерв он предпочитает держать за пределами Отечества – якобы в Израиле и США.

Гляди, куда занесла нелегкая этого персонажа! Хотя какая «нелегкая» может быть в таком месте у человека с деньгами и положением? И все-таки, неужели с самим Японцем здесь встречается? Интересно. Очень интересно. Больше не с кем. Японец, знаю, бывает здесь инкогнито. Приезжает иногда к другу. Потом вместе едут на машине в Лас-Вегас.

Пойду я. Может, вечером в «Национале» и встретимся. Думаю, что встретимся.

Глава 3

В «кабачной» мы не встретились. Как только я приехал домой, раздался звонок: «Возвращайся. Пришла посылка с того света». И вот я сижу в своем кабинете и держу в руках потрепанную большую толстую тетрадь и всё не решаюсь её открыть. К тетради приколота скрепкой записка, написанная быстрым, нервным, знакомым почерком:

«Я не могу разобраться в себе. Что происходит? Буду заносить на бумагу. Потом как-нибудь разберусь».

Глава 4

Раньше прямо сюда доходил громадный сосново-дубовый лес, тянувшийся вдоль небольшой, но очень красивой речушки Желань, впадающей далеко отсюда в полноводный Ирпень. Но уже в пятнадцатом столетии небольшие поляны среди векового леса стали обустраиваться хуторами, на которых монахи пяти близлежащих монастырей выращивали всевозможные продукты, для борща необходимые. Тогда же эти земли и были переданы в вечное владение церковной братии, а сами хутора стали называться Борщаговками, и каждая по названию своего монастыря.

Теперь уже с хутора Отрадного сплошной стеной надвигался изумительный яблоневый сад. Весной он весь белый-белый! Тот сад, в недрах которого зарождается полноводная красавица-река Лыбедь со своей широкой болотистой поймой и заливными лугами. Река всегда служила естественной преградой для диких крымчаков и всяких польских банд. Разбойники, как снег на голову, день ото дня, обрушивались на жителей Киева, которые осмеливались появиться на своих сенокосах в пойме реки.

Судоходная, полная рыбы, с семи мельницами по своему плавному течению, Лыбедь по воле пришлых в Киев людей превратилась в зловонную лужу, заключенную в вонючий бетонный коллектор, время от времени вырывающийся из под-

земелья на киевские просторы. Какой только мерзости в ней не плавает!

Если остановиться весной на железнодорожном мосту, всегда служившем границей между хутором Отрадным и разросшимся громадными пятью селами Борщаговка, и над головой у тебя только голубое небо, то можно и целый час любоваться буйством окружавшего тебя со всех сторон бело-розового. И эти корявые темно-серые ветви, обсыпанные похожими на хлопок душистыми завязями и бутонами, и белоснежный ковер под деревьями, из которого только на пригорках выбивается изумрудная трава с прозрачными капельками росинок-слезинок на каждой травинке. Белый цвет невырубленных яблонь.... Пришли люди, и все вырубили.

Даааа, снега в этом, 1968-м году, выпало немало. Трамвай доходил до начальных домов нового массива, построенного в поле, где некогда буйствовали бело-розовые цвета, разворачивался и отправлялся восвояси. Дальше жители расползались по тропинкам по колено в грязи, кто куда. К нашему дому можно было добраться и по дорожкам между домами, а можно было и через еще не застроенное поле – так было быстрее.

Когда расчистили дорожку к дому через заснеженное поле, то оказалось, что идешь в белоснежной траншее метра два глубиной. Поднимешь голову, а над головою только бесконечная темная синь неба и яркая Большая Медведица, за-

блудившаяся в этой бесконечности, и рядом с ней ее мишки. Заплутали мишки, заплутали. Паутинкой протянулись к югу и к Большой Медведице, как к маме, в брюхо звездное уткнулись. Теперь Медведица будет всегда сопровождать меня, в какой бы части света я ни находился, и это будет всегда к удаче.

Но в начале траншеи обосновалась банда из шпаны нашего двора. Где они прячутся – ума не приложу. Но как только появляется одинокий прохожий, то они тут как тут. Ничего особенного – снимают шапки с мужчин, а в воскресенье – на «толкучку».

«Толкучка» была действительно замечательным местом в городе. Что такое «толкучка»? На пространстве, где нет ни домов, ни растительности, а только высится несколько деревянных серых старых столбов плотно стоит огромная толпа в сотни тысяч человек. Все либо продают, либо покупают. И эта громадная толпа двигается во все стороны одновременно.

С одеждой до сих пор в стране плохо. Может, неумехи коммунисты с комсомольцами виноваты. С большими формами они еще справляются, а вот о людях им думать недосуг, не уважают они этих людей. А может, это наследие страшной войны, испепеляющим ураганом пронесшейся по нашей стране и закончившейся, по историческим меркам, совсем недавно – чуть больше двадцати лет назад. Кто знает?

На «толкучке» наши, пока еще только хулиганы, продают

то, что насшибали с тружеников темными вечерами. В основном – шапки.

Перепродажа дело хлопотное, но безопасное. Кудя, Миха и я приезжаем на «толкучку» в воскресенье часов в пять утра. За нами заезжает Калина. Он уже отслужил в армии и работает на такси. Юра оставляет машину под охраной малых с нашего двора: Костика и Жени и помогает нам торговать. Малых мы провозим контрабандой, сидящими в ногах. Придумал всю эту нехитрую, как для нормальных людей, но очень опасную, как для советских людей, комбинацию отличник с нашей школы Валерка Акула. Придумал и сразу же загремел в армию.

Миха, мой друг еще с детского садика, живет в одном доме с Серегой Кудей. Оба – чуть выше среднего роста. Миха от матери-еврейки унаследовал восточную красоту, оставаясь при этом белобрысым. Так ведь и мама у него – крашеная блондинка!

Кудя полностью русский тип, у него даже нос смешной, картошкой. Оба – худошавые, хорошо развитые физически, бывшие спортсмены и, что удивительно, из хороших семей. У Куди отец полковник, мама – учитель. У Михи отчим – директор нефтебазы на Шулявке, а мама работает ведущим конструктором у Антонова. В семьях достаток. Правда, что не характерно для зажиточных семей, оба – отъявленные драчуны и хулиганы. Ну, как наши на Борщаговке, да, впрочем, и на Святошино, да и в Золотоворотском садике, и на

Сталинке, и на Нивках. В общем – киевляне. Все мы тогда такие были.

Становимся на подходе к площадке и скупаем все, что представляется возможным. Джинсы, модные рубашки, обувь – все, что попадается. Накупив барахла сразу же вклиниваемся в толпу.

Рядом со мной крутится Кудя с большой сумкой в руках. Делает вид, что мы не знакомы. Тут ко мне протискивается Миха, в руках у него две пары желтых замшевых ботинок.

– Гималайский, дай еще денег. По двадцать пять взял. По шестьдесят пойдет?

– Проси пятьдесят пять, отдавай за сорок пять.

Я даю Михе несколько купюр, забираю у него одну пару ботинок. Миха протискивается обратно в толпу. Я, основательно оглянувшись, передаю батник и пару ботинок Куде и забираю у того большую сумку.

Кудя продает рубашку и ботинки. Теперь уже я делаю вид, что мы с Кудей не знакомы. Достаяю из кармана сумки школьную тетрадь и записываю в ней карандашом расход-приход.

Затем с двумя сумками уже стоит Калина, а я, вместе с остальными, также продаю вещи, и постоянно делаю записи в тетради.

Скупаем-то по бросовой цене, а когда любители поспать подтягиваются за покупками, продаем уже в два раза дороже. Вот и приличный навар.

Ну, а главный по продаже награбленного у нас, постав-

ленный старшими, Корчмарь – балабол, каких свет не видел. Чешет языком без перерыва часами, но такие здесь и нужны. Этот смуглый, похожий на цыгана человек – потомок нескольких семейств болгар, вышедших из Турции еще в царствование Екатерины Второй и поселившихся в селе Михайловская Борщаговка. Нынешние потомки их, конечно, смешались с коренными жителями, но некоторыми телесными особенностями и душевными качествами, как то: беспрестанная тяга к торговле за каждую копейку, они все же напоминают о своем южном происхождении.

Часто нам же приходится продавать и отнятое добро, а точнее – награбленное старшими. И от такой, как мы шпаны, старшие нас охраняют. Все вырученные деньги – в общак. Дальше – делюга по справедливости. Каждый вырученные деньги тратит по-своему. Это или одежда, или гитары, или просто деньги прогуливаются. Только у нас с Кудей и Михой есть свой запас денег – для закупки шмоток.

Нельзя сказать, чтобы меня с моими друзьями все это полностью устраивало. Мы им не шестые! Не то, чтобы на нас ездили, но и относились без особого уважения:

– Бери, продавай.

Нужны мне их шапки! Так дело не пойдет. И мы с Кудей, Михой, взяв в подельники старшего авторитетного Иванушку, а он, в свою очередь, своего лучшего приятеля Котю, решаем открыть свой маленький цех по пошиву модных батников или, по-простому, рубашек. Дело не сложное. У моей

мамы и у мамы Иванушки есть хорошие немецкие швейные машинки с оверлоками. Закупаем несколько модных рубашек разных размеров, аккуратно распарываем их. Вот вам и лекала.

Мама имеет по пять рублей с рубашки сразу же после пошива. Кудя с Михой рыскают по городу достают модную ткань, нитки и пуговицы. Налаживают контакт с универсамом «Украина». Мы с Котей – на реализации. Иванушка, пользуясь своим авторитетом, постепенно отваживает от нас шапошников, у нас, мол, другое задание, и нас уже не нагружают ворованным.

Но Иванушка поступает в военное училище, Кудя остается один на снабжении, Миха подбирает под себя реализацию. Котя – везде на подхвате. Ну а я, несмотря на то, что самый молодой из них, беру на себя охрану всего этого.

Сегодня я продаю первый пошитый нами батник.

– Наимоднейший батник, последний писк моды. Последние пару штук остались!

Ко мне протискивается Миха и говорит мне на ухо:

– Пошли быстрее. По-моему, я на джинсы настоящие набрел.

Я показываю жестами, стоящему рядом Куде, чтобы он сложил вещи и взял сумку и отдаю ему пачку денег.

Мы с Михой протискиваемся на край толпы. Кудя с сумками – чуть сзади. Выбравшись из толпы, мы отходим чуть

в сторону, где на дороге стоит красная машина «москвич».

Возле машины стоят пять незнакомцев. Миха жестом показывает на двоих самых молодых.

Я представляюсь:

– Гима.

– Геба.

– Доба.

Пожимаем друг другу руки. Миха отходит чуть в сторону к носу машины. Кудя передает мне деньги и обходит «москвич», с другой стороны. Калина, подошедший последним, стоит сразу за мною и оглядывается по сторонам. Встают в напряженную позу возле машины и три незнакомца.

Но беспокоится не о чем. Весь остальной процесс проходит мирно. Я сажусь с Гебой в машину и тщательно проверяю каждую пару джинсов. Затем открываю окно и делаю знак Софе. Он уже переложил батники в одну сумку и передает мне в окно пустую сумку. Я отдаю Гебе деньги и складываю джинсы в сумку.

Начало сотрудничеству положено. Теперь эти двое будут приезжать каждую субботу и привозить мне пошитые ими джинсы. Нужно заметить, что они ничем не отличаются от фирменных. На первый взгляд, по крайней мере.

Сейчас на Борщаговке всего три школы, и вся молодежная и хулиганская жизнь вертится вокруг них. Весной и летом все целый день на стадионах школ – футбол. После футбола

– пьянка и драка. Восемьдесят третья школа приходят к нам или мы – тринадцатая – туда. Иногда собираемся вместе и идем бить Никольскую Борщаговку – село в двух шагах от массива.

Потом появляется гитара. Уже все вместе слушаем как, по очереди, главные хулиганы района: Лысый, Макс и Траф исполняют Высоцкого с Галичем, Битлов, Роллингов, а иногда и Ободзинского. Они и в драке, и в музыке первые. За это и в авторитете. Макс – вылитый Илья Шакунов, такой же симпатяга. Лысый – копия Дмитрия Дюжева. Если обоим актерам отрастить длинные волосы – не отличить. Прямо киностудия какая-то!

Далее – все расходятся по интересам. Кто по девкам, а кто уходит и уроки учить. Миха – так тот, вообще, как-то зацепил первую красотку района – танцовщицу Алёну. Ну, а я поскромнее – тоже красотку, но не танцовщицу, а красавицу-певицу Ленку Щербакову.

Я хоть и самый молодой, но физически развит хорошо и в мероприятиях участвую исправно. Только не бухаю и не играю в футбол. В это время я еще на тренировке. Ну, а к драке успеваю. С этим делом у меня все в порядке.

Глава 5

В субботу всегда очень шадящая тренировка, и после тренировки я еду на Сталинку к своим новым друзьям. Там – тоже своя банда. Возглавляет её, ставший знаменитым позже, Мартон. Проживает он в частном доме, и поэтому нам удобно собираться там. Скороход, Нос, Утенок, Сотник, Длинный – все бойцы. Мартон – поэт мордобоя. От него никто не уйдет ни при каких обстоятельствах – ни маленькие, ни двухметровые.

Выбор развлечений небольшой. Веселимся на Масленице на Выставке. Туда съезжаются компании со всего города. Веселая пьянка, веселая драка. По советским праздникам любим ходить на демонстрации. Нет, никто не верит в этот бред с коммунизмом. Никто не верит и разным руководителям от партии и, тем более, комсомола. Для тех, кто не знает, – партия всего одна.

Ходим чисто по приколу – поорать, и неважно что, побродить улицами любимого города среди народа, выпить где-нибудь в подворотне, чтобы менты и стукачи в штатском не засекли. Потом приезжаем домой, и закатываем пьянку. Советские праздники – как повод.

Как-то хочется выделиться среди довольно-таки серой трусливой массы, среди этих противных брехунов-комсомольцев. И мы с пацанами создаем «Общество Вольной Мо-

лодежи». Это уже пахнет диссидентством. Если бы гебисты тогда узнали, то могли бы уже и впаять срок. Но, к счастью, среди нас стукачей не было – ребята все надежные. Дальше разговоров с критикой несвободы в Советском Союзе дело пока не идет. В основном нам не нравится то, что нельзя бывать за границей. Любая заграница для нас – рай земной.

– Ах, этот Запад, не пот, а запах, не девочки, а сказки братьев Grimm. Вино «мартини», бикини-мини и наслаждение, вечное, как Рим, – может в шутку, а может, и всерьез частенько напевали мы.

Что-то, видимо, и у них идет не так, – поэтому на Западе появились хиппи.

Хиппи. Это именно то, что нам надо. Будем и мы хиппи.

Хипняки собираются на Крещатике. Каждый день в пять часов пополудни, ровно посередине бульвара Шевченко сверху по направлению к Бессарабке спускается компания. Идут к Чучелу, как среди нас любовно называется памятник Ленину (сейчас его уже нет, а тогда половина встреч в городе назначалась у этого, очень популярного у киевлян, места).

Это пять братьев Мандолин. В это время прямо сверху над бульваром стоит ослепительный круг Солнца и всегда – ни облачка. Мандолины спускаются, погруженные в ярко красно-желтые солнечные лучи, с развевающимися светлыми волосами до плеч. Если смотреть снизу, с Бессарабки, от Чучела, они выглядят как-то даже символически. Я думаю, они

спецом придумали этот трюк. Многие приходят на них посмотреть.

Длинные волосы для хиппи обязательны. Это – знамя, знак протеста против этого ханжеского общества. Как уж власти ни пытались их вывести из обихода! И в военкомате их заставляли срезать, и в ментовке, и комсомольцы, как только ни третировали молодежь, а нам все нипочем. Да так потихоньку эта мода захватила и всех остальных, включая и комсомольцев.

Обязательны и джинсы. Но, как и где их достать? Только на «толкучке». Многие устраиваются подрабатывать летом. Например, ящики сколачивать на тарной базе на Борщаговке или на «ботинко-строительной фабрике» лыжные ботинки конструировать – кто где может.

Где-то в 1968-1970-х годах в Пассаже на Крещатике, 15 стихийно организовалась «толкучка» по продаже школьных учебников. Многие учебники тогда были в большом дефиците, особенно русская и украинская хрестоматии.

Мои одноклассники не растерялись и очень быстро организовали свой первый бизнес. Сразу же после летних экзаменов они начали скупать у своих знакомых по всей Борщаговке все учебники подряд. Иногда и просто даром получали. Многие и приятели, и их родители отдавали все это добро без денег, лишь бы освободить место в наших небольших квартирах. Мы свозили целые горы учебников в Пассаж и до

обеда торговали.

Кто продавал, кто стоял в ближайших подворотнях и подъездах и караулил сумки, заполненные ходовым товаром. Кто дежурил на стреме у входа и выхода из Пассажа и подходах из подворотен. Милицейские облавы и комсомольские рейды были каждый день. Особенно зверствовали комсомольские дружины. Ментов-то видно издалека, а эти, стукачи позорные, подкрадывались незаметно. С виду они такие же нормальные, как и мы. Подкрадутся, и давай хватать за руки несчастных девчонок, продающих свои книжки, чтобы заработать пару рублей на кино или мороженное. Жили-то мы все бедно, деньгами родители почти никого не баловали.

Пытались хватать и нас, но ни разу не схватили. Приходилось бросать то, что в руках, и убегать через подворотни, а там попробуй погнаться! В подворотне можно и в глаз получить. Кого ловили, тому в школе неприятности по полной. Совершеннолетние могли и пятнадцать суток за это заработать.

Народу было очень много – и продавцов, и покупателей. Каждый из всей нашей компании ежедневно зарабатывал рублей по двадцать. Те, кто уже начал бухать, шли в «Кулишную» на углу Крещатика и Красноармейской (на этом месте сейчас улица Новый проезд) или в «Троянду Закарпатья» – почти напротив, не дожидаясь спуска Мандолин.

Спуск Мандолин – сигнал к сбору всех хипняков со всех

концов Киева. Далее все разбредаются по интересам, заполняя подворотни, скверы и даже подземные переходы. Очень популярен был переход на Бессарабке. Практикуется бесцельное брожение по улицам и сшибание денег с прохожих. Вечером появляются гитары.

Наша компания собирается в скверике возле театра Франко – самый центр и совершенно нет ментов. Как умеем, поем песни западных групп, легкие куплеты на музыку «Суперстара» с антисоветской окраской, Высоцкий, Галич, Аркаша Северный... Кто-то начинает приносить какую-то дурь. Почти все начинают подкуривать.

Но вот тут и начинаются наши расхождения. Я, Сотник, Длинный – хорошие спортсмены. Мы и не бухаем-то особенно, а курить дурь... Нет уж, извольте. Нам – на Матвеевский залив.

На Матвеевском – полгорода: самые крепкие, самые красивые. Пловцы, прыгуны, ватерполисты, байдарочники, каноисты, академисты. Бывают и борцы с боксерами. «Авангард», «Золотой Колос», «Водник», «Локомотив», «Зенит», «Буревестник», СКА, ДЮСШ 7, «Энергетик», «Ленинская Кузня», «Динамо», «Спартак». В летние месяцы вся территория Труханова острова кишит тысячами спортсменов. Почти на каждой базе – летние спортивные лагеря.

В летние полгода мы на тренировке на Матвеевском заливе на «Динамо». Здесь я чуть позже познакомлюсь с Олегом

Патей и с Саней Слоном.

С Пати все и начиналось. Здоровенный академист успел отсидеть после окончания спортивной карьеры и сколотил первую значимую бригаду в Киеве. Обосновались они на рынке «Патент». С ним – Конон и Кабан. Вокруг них на рынке также Савлохов, Авдышев, Джиба, Череп, Глобус, Князь, Купец, Кайсон, Фашист, Стас, Жиган, Кисель, Ткач, Татарин. Все они, в свою очередь, собрали свои бригады и разлетелись по другим киевским и прилегающим весям.

Это все будет позже, а пока... Пока на дворе зима. Тогда еще были зимы! Мороз такой, что воздух звенит вокруг. Мы втроем каждое воскресенье откалываемся от компании и берем на лыжной базе, тут же, на Сталинке, лыжи и ботинки. Обматываем ноги сперва газетой, мороз стоит страшный! – а затем уже надеваем две-три пары шерстяных носков и – в Голосеевский парк через дорогу.

Сразу у входа отходит шикарная накатанная лыжня и стремглав убегает вправо в чащу. Лес в это время особенно красив и величествен. Снега навалило по пояс. Миллиарды снежинок блестят на Солнце и переливаются какими-то невероятными, просто космическими цветами. Это прямо сказка какая-то! Темно-зеленые ели раскинули свои лапы, пряча под собой всевозможную лесную живность.

Огромные дубы в Феофании, помнящие еще Наполеона и всяких поляков, не раз захватывающих эту местность, стоят как великаны и указывают своими корявыми черными око-

ченевшими руками путь на Пирогово. Там мы как угорелые носимся на лыжах по холмистой местности целый день. Не нужно и в Швейцарию ехать.

Обратно – опять через лес. Уже стемнело, но грустная яркая луна исправно указывает путь. Руки отваливаются, ноги не идут, спину ломит, а ты все равно счастлив. Из рта пар, как у лошади, а тебе тепло в такой мороз, даже жарко. День прошел не зря! Здоровья набираешься за один день на много лет вперед. Такие прогулки еще много раз помогут в жизни.

Мы постепенно расходимся в своих интересах. Не ссоримся, а просто отдаляемся друг от друга. Жирную точку ставит мама Мартона. У него на подворье в земляном подвале, сверху обложенном кирпичом, мы оборудовали настоящий бар, как в заграничном кино. Сделали из дерева столы и лавки. Стены выложили доньшками от бутылок. Фонари сделали из пустых бутылок, а именно «Виски-бар» и рома «Негро». Есть и барная стойка.

Там и собирается «Общество Вольной Молодежи». Выпиваем, обсуждаем коммунистическое безобразие, играем на гитаре, как можем. Репертуар: The Beatles, The Rolling Stones, The Searchers, The Beach Boys, The Animals, The Yardbirds, Manfred Mann, The Moody Blues, Cream, Jefferson Airplane, Bee Gees, Procol Harum, Ten Years After, Fleetwood Mac, Three Dog's Night, Deep Purple, Led Zeppelin, Chicago, T.Rex, Creedence Clearwater Revival, Shocking Blue, Blood, Sweat & Tears, Yes, Status Quo, Crosby, Stills, Nash & Young,

Steppenwolf, Free, Iron Butterfly, Grand Funk Railroad, Jethro Tull, Omega, Black Sabbath, King Crimson, Santana, Uriah Heep, Emerson, Lake & Palmer, The Sweet, Slade.

Глава 6

Я очень подробно, и не один день, рассказываю об эпохальном событии того времени – Вудстокской ярмарке музыки и искусств (Woodstock Music & Art Fair, в разговорной речи: Вудсток). Что это было такое?

На карте мира есть места, названия которых давно превратились из имен собственных в нарицательные. Выхваченные из мрака безвестности яркими софитами Великого Режиссера драмы под названием Всемирная История, они стали символами триумфов и трагедий человеческого духа, славы и бесчестья. Ватерлоо, Уотергейт, Вудсток..., где с пятнадцатого по семнадцатое августа 1969 года состоялся знаменитый фестиваль, давший название целому поколению – «поколению Вудстока», ставший кульминацией и началом конца молодежной революции шестидесятых с ее мучительными духовными исканиями.

Любопытно, что события, о которых я повествовал своим друзьям, происходили не в самом Вудстоке, и длился фестиваль фактически четыре дня, а не три, потому что завершился он только восемнадцатого августа, так как пришлось прерывать концерт из-за страшного ливня. Молодежное движение конца шестидесятых вполне можно назвать контрреволюцией, если за точку отсчета брать пятидесятые годы про-

шлого века.

Молодежная «революция» пятидесятых была вызвана тем, что в процветающей Америке у молодежи появилась возможность содержать свою субкультуру, которая не соответствовала представлениям старшего поколения. Эта субкультура не отличалась духовностью и не слишком разнилась от стандартных ценностей общества потребления.

Молодежь шестидесятых, глубоко разочарованная в Американской Мечте после убийства Джона Кеннеди и вьетнамской войны, отправилась в духовные искания, пытаясь найти истину в восточных мистических учениях, наркотиках, коммунах, протестуя против войны и расизма, лицемерия и обмана. Хиппи, «дети цветов», стали вызовом американскому обществу, ненавидевшему этих «неправильных» американцев.

И музыка хиппи была совсем другой: синтез фолка и блюза, психоделика, тесно связанная с наркотическими галлюцинациями. Многие песни имели острую социальную и антивоенную направленность. Этот недолгий период дал миру небывалую россыпь гениальных музыкантов и подлинных шедевров.

Три дня счастья, мира и тотальной любви. По свидетельствам очевидцев, молодежь, в огромном количестве собравшаяся на бескрайних полях люцерны на частной ферме, три дня слушала музыку культовых рок-звезд, совершенно открыто принимала психоделические вещества, занималась

любовью, а не войной, как в знаменитом лозунге хиппи.

Вудсток был сильной пощечиной общественному конформизму. От самого образа хиппи, длинноволосого, в рваных джинсах, с цветами в косах – до того потенциала, который таила в себе полумиллионная общность. Недаром поступали сообщения о попытках властей разогнать такое массовое скопление людей. Люди, которые были способны собраться, исходя из общих интересов, в таком огромном количестве, были чем-то резко выходящим из интересов власти, тем, чего она вполне оправданно боялась. Ведь, если бы посетители Вудстока 1969 года захотели бы вдруг устроить революцию, мир сегодня был бы совершенно другим.

«Три дня мира и музыки» начались в 17:07 по местному времени пятнадцатого августа 1969 года. По расписанию фестиваль должен был начаться в 16-00. Но из-за сумасшедшего движения организаторам пришлось доставлять музыкантов с помощью вертолетов. Перед самым началом у Ланга было два варианта: Тим Хардин, блуждающий за сценой, или Ричи Хейвенс, который выглядел получше. Ричи играл около 3 часов. Когда Ричи играл последнюю песню «Freedom», приземлился большой армейский вертолет с музыкальным подкреплением. Так Армия США в некотором смысле спасла фестиваль. «Мы никогда не были против солдат, сказал Ричи, – мы всегда были против войны».

Рави Шанкар, выступая на фестивале, продолжал играть и во время дождя. Его Альбом «At Woodstock Festival» вклю-

чает все его выступление на фестивале, но... , на самом деле, большинство материала было позже перезаписано в студии.

Джоан Баэз во время своего выступления на фестивале была на шестом месяце беременности.

Выступление группы Grateful Dead было прервано вскоре после того, как усилители не справились с нагрузкой во время исполнения композиции «Turn On Your Love Light».

Дженис Джоплин, вместе со своей группой Kozmic Blues Band, отказывалась выходить на сцену, так как ее менеджер требовал предоплату. Однако организаторам вскоре удалось уладить конфликт. Они боялись даже представить себе последствия отмены выступления, и в конечном итоге, заняли деньги. По мнению большинства, выступление Джоплин было ужасным.

Sly & the Family Stone начали свой сет в 3:30 ночи. Учитывая их позднее появление, музыканты были удивительно свежими и мощными. Их выступление на «Вудстоке» считается одним из лучших в истории группы.

Менеджеры The Who и Grateful Dead заявили, что их подопечные не выйдут на сцену, пока им не позолотят ручку. Майкл тут же придумал контрвыпад:

– О'кей! – сказал он, – делать нечего. Только мне придется выйти и объявить всем пятистам тысячам, что ваши группы не выступят из-за денег. – Инцидент исчерпался сразу же.

Из-за разногласий с организаторами по вопросу оплаты группа The Who не поднимались на сцену до четырёх утра.

Одним из самых запоминающихся событий стало исполнение группой песни «See Me, Feel Me»: солнце взошло, как только солист Роджер Долтри начал петь. Под конец сета Пит Таунсенд разбил гитару о сцену и бросил в толпу. Этот момент способствовал становлению The Who как суперзвезд и помог их альбому «Томми» стать мультиплатиновым.

Самой известной на тот момент психоделической команде Jefferson Airplane организаторы предложили невероятный гонорар – двенадцать тысяч долларов, хотя обычно они брали от пяти до шести тысяч. Спустя три года группа распалась, так что выступление на «Вудстоке» так и осталось апогеем в их истории.

Из-за высокой влажности у группы Ten Years After были большие проблемы с инструментами (особенно с гитарой), которые быстро вышли из строя. Это привело к некоторым незапланированным паузам для повторной настройки. Тем не менее, почти двенадцатиминутный номер на бис «I'm Going Home» демонстрирует силу группы, и особенно, виртуозность гитариста Элвина Ли.

Во время фестиваля состоялся такой пророческий эпизод. Когда выступления уже начались, обнаружилось, что кто-то забыл послать в аэропорт машину за Хендриксом. Майкл сразу же поспешил предупредить оплошность, однако Джими распорядился иначе: он решил арендовать вертолет, который, прилетев, замер над сценой, куда Джими и спустился по веревочной лестнице. И тут же грандиозно отыграл

свою программу.

Джими Хендрикс вместе со своей новой группой Gypsy Sun & Rainbows должен был завершать фестиваль в воскресенье в полночь, но вследствие различных задержек он поднялся на сцену только в 9 утра понедельника. Толпа, в разгар фестиваля достигавшая численности более пятисот тысяч человек, сократилась до ста восьмидесяти тысяч зрителей, когда началось выступление Хендрикса. Его сет продолжался два часа (один из длинейших в его карьере) и включал семнадцать песен (включая импровизацию); по иронии судьбы Хендрикс, он стал одним из самых фотогеничных и талантливых исполнителей фестиваля, но играл перед существенно поредевшим числом зрителей.

Джими Хендрикс выступил с огромной отдачей, сыграв на гитаре в конце свою выступления альтернативную версию «Звездно-полосатого флага» (гимна Америки). Это было чем-то невероятным – в разгаре была вьетнамская война, и звуковые эффекты, извлекаемые Хендриксом, вызывали параллели со звуками насилия и конфликта. Поклонниками это исполнение признано одним из величайших в истории рок-музыки.

Но ряд исполнителей по тем или иным причинам отклонили приглашения, и думается, в большей степени потому, что к тому времени они уже превратились из бунтарей в барыг, всю эксплуатировавших различные популярные в разные времена молодежные идеи.

-Группа The Beatles.

Промоутеры связались с Ленноном, попросив выступить The Beatles на фестивале, но Леннон заявил, что The Beatles не будут играть, если его новая группа – Plastic Ono Band – не будет играть тоже, но ему отказали.

В любом случае, The Beatles уже были на грани распада.

Кроме того, они не дали ни одного живого концерта с августа 1966 г. (не считая их импровизированный концерт на крыше тридцатого января 1969-го года, за полгода до фестиваля).

-Bob Dylan (Боб Дилан)

Боб Дилан должен был быть в числе хедлайнеров фестиваля. С ним уже было все улажено и согласован гонорар, но в день фестиваля его сын внезапно был госпитализирован, и Дилан поспешно вынужден был отменить свое участие.

-Группа The Byrds

The Byrds отказались играть, полагая, что «Вудсток» не будет отличаться от любого другого фестиваля тем летом. Существовали также опасения по поводу оплаты выступления. Басист Джон Йорк позже оправдывался: группа разом сказала: «Нет, мы хотим отдыха», и пропустила лучший фестиваль из всех.

-Группа Chicago

Chicago, на тот момент все еще известные под названием Chicago Transit Authority, изначально согласились сыграть,

однако у них был контракт с концертным промоутером Биллом Грэхемом, который позволял ему перенести выступления Chicago в «Fillmore West». Грэхем перенес некоторые из их запланированных до семнадцатого августа концертов, тем самым, не позволив группе выступить на «Вудстоке». Питер Сетера, бывший вокалист и бас-гитарист Chicago, сказал:

– Мы были злы на него за то, что он отменил выступление на фестивале.

–Группа The Doors

The Doors рассматривались как потенциальные участники, но отмена их выступления произошла в последний момент.

Согласно объяснениям гитариста Робби Кригера, они отказались потому, что посчитали, что это будет «второстепенным повторением Монтерейского рок-фестиваля», и позже он выразил сожаление из-за того, что они отказались играть. Однако Джон Денсмор, ударник The Doors, все-таки полетел, чтобы застать фестиваль.

–Frank Zappa (Фрэнк Заппа) и группа The Mothers of Invention

Фрэнк Заппа и его группа The Mothers of Invention отказались от участия. Заппа прокомментировал, что «там было много грязи, и мы отказались»

–Группа Free

Музыканты группы ответили на приглашение организаторов категорическим отказом без объяснения причин.

–Группа Jeff Beck Group

Группа распалась накануне «Вудстока», несмотря на то, что должна была играть на фестивале. Это то, о чем Джефф Бек теперь сожалеет. Конечно, будешь тут сожалеть. За несколько дней до фестиваля Ники Хопкинс покинул группу, и остальная группа распалась. Однако Хопкинс в конце концов сыграл на «Вудстоке» с Jefferson Airplane.

–Группа Jethro Tull

Категорически отказались играть. Ян Андерсон заявил позже, что «не хотел тратить свои выходные в поле с немывыми хиппи». Существует версия, что группа отказалась, так как боялась, что фестиваль мог разрушить их карьеру в самом ее начале.

–Группа Iron Butterfly

Iron Butterfly были приглашены на фестиваль, но выступление пришлось отменить. Группа просто не сумела добраться до места проведения фестиваля из-за гигантских пробок. А обещанный вертолет за ними так и не прислали....

–Arthur Lee (Артур Ли) и группа Love

Артур Ли отказал организаторам в просьбе выступить на фестивале. В последствие, когда уже было ясно, насколько масштабным и значимым получился фестиваль, в группе Love из-за этого отказа возникли трения между лидером и музыкантами.

–Группа Led Zeppelin

Молодым тогда Led Zeppelin также было предложено сыг-

рать. Их менеджер Питер Грант заявил позже:

– Нам было предложено сыграть на «Вудстоке» и Atlantic Records были очень заинтересованы, а также наш американский промоутер, Фрэнк Барсалона. Я сказал нет, потому что на «Вудстоке» мы были бы просто очередной группой в списке.

–Группа Lighthouse

Они отклонили предложение организаторов из-за опасений, что в открытом поле будет «плохая» сцена....

–Группа Mind Garage

Участники группы недооценили масштабность будущего фестиваля и приняли решение выступить с концертом в другом месте, где им предложили более высокий гонорар.

–Joni Mitchell (Джони Митчелл)

Джони Митчелл первоначально должна была играть на фестивале, но выступление было отменено по настоянию ее менеджера, чтобы не пропустить появление на шоу Дика Каветта.

–Группа The Moody Blues

Первоначально музыканты дали свое согласие выступить, и их фото даже успели напечатать на афише фестиваля. Однако, получив приглашение провести концерт в Париже в эти же дни, решили отказаться от участия.

–Группа Procol Harum

Procol Harum отказались от участия, так как фестиваль пришелся на конец их длинного тура, и к тому же у гитариста

группы Робина Трoуэра родился ребенок.

–Группа The Rolling Stones

Во время проведения фестиваля Мик Джаггер был в Австралии на съемках фильма «Нед Келли», да еще и в главной роли. Поэтому на приглашение организаторов даже никто не ответил.

–Группа Spirit

Spirit отклонили приглашение играть, так как у них уже были запланированные концерты, и они хотели сыграть их вместо «Вудстока», не зная, насколько большим будет фестиваль.

–Группа Tommy James and The Shondells

Группа отклонила приглашение организаторов. Вокалист Томми Джеймс сказал позже:

– Мы отказались, и несколькими днями позже поняли, что мы пропустили.

Много позже Вудсток станет не только культурной легендой, но также и успешным, хорошо продаваемым брендом. Все права на имя фестиваля и его атрибутику будут принадлежать компании Warner Brothers. И на логотипе фестиваля место голубя на грифе гитары должен, по идее, занять жирный крылатый бакс.

А с миром и любовью...? С ними все те же проблемы.

Глава 7

Эту незамысловатую историю вся компания, включая и брата Мартона, слушали с открытыми ртами. Все знали о том, что где-то там, за бугром, был какой-то «Вудсток», но что это было такое....

Конечно, мы – почти все – были не хиппи, а, скорее, хиппи выходного дня – только внешне, но все же мы и не были этими мерзкими комсомольцами, которые только и умели стучать на всех подряд, да с утра до вечера нести полную ахи-нею про будущее и настоящее на всевозможных собраниях.

А откуда я о Вудстоке столько знаю? Да слушаю по «Вражескому голосу», как в шутку тогда называли «Голос Америки» тематическую передачу «Вудсток». Никто даже не сомневается в правдивости. Тогда слушали многие.

Здесь мама Мартона нас и накрыла. Женщина взрослая и понимает к чему может это всё привести, если прознают в органах или, что более вероятно, комсомольцы, которые органам нас и сдадут без колебаний. Ох, и летели мы из нашего бара! Поразбивала мудрая женщина все топором. Теперь вижу, правильно сделала!

Собираться больше негде. Попытались мы с Гнедым, моим одноклассником, ездить на Космодром – площадь Космонавтов. Там, в его бывшем дворе на Ереванской, всегда собиралась колоритная компания. Гнедой – поляк, а поляки

всегда держатся вместе. Вот они и дружили с таким же поляком Зузаной.

Но руководили всем и вся на Чоколовке, конечно же, не они. Были там свои авторитеты. Самый главный, безусловно – это Вова Пуля. И хотя Пуля учился в сто семьдесят восьмой школе на Воздухофлотском, но свободное время, а его у Пули было предостаточно, проводил ближе к Космодрому. Чаще всего его можно было встретить на улице Донецкой, и тогда – прячьтесь, прохожие. Но к нашему там появлению у Пули уже было два срока и авторитет в городе. На нас он внимания даже не обращал.

На Ереванской проживал и Гарик Джиба, но отношения с ним у нас как-то сразу же не сложились. Зато сложились с Юрой Джибой и Попиком. Те ещё авантюристы. То рундук пивной откроют на базаре и, почему-то, им платят не только продавцы разливного пива, но и все остальные торгующие на базаре. То квартиру на верхнем этаже сдадут директорам местных магазинов, где те шпилят и приводят с утра до вечера проституток. А потом стали как-то обворовываться все магазины, директора которых посещали эту самую квартиру.

Но нас с Гнедым, Длинным и Сотником больше привлекает спорт и очень интересует рок-музыка, которая просачивается в виде пластинок из-за железного занавеса. Встречаемся уже больше на тренировках. А я начинаю еще и стучать на барабанах у себя на Борщаговке. То Макс сколотит группу, то играем вместе с Трафом и Васей Федяем. Вася – высокий

интересный заводила из восьмьдесят третьей школы.

Только у Лысого постоянный ансамбль. В группе играет мой школьный товарищ Софа – совершенно безвольная личность, но музыкант великолепный. Он и привел в ансамбль солистку Ленку Щербакову. Вместе учатся в Консерватории. Он же и явился ко мне со слезами на глазах и просьбой отстать от Ленки. Софа, видите ли, в неё влюблен. А я, идиот, взял и пожалел Софу – согласился.

Вот тут-то и случается трагедия. Дальше их будет много, но эта – первая в моей жизни – оттого так мерзопакостно на душе. В восьмьдесят третьей вечерами проходят тренировки борцов. После тренировки они уже почти всем составом, с подключением блатных и бакланов из поселка «Победа» сидят на лавочках, играют на гитарах, кто пьет. В общем – клуб на свежем воздухе.

Там же бывал и Вася, там же – Дэннык – щуплый отморозок, но всегда с ножом в кармане. Мне всё это не нравится. Через нашего общего друга Падишаха передаю ему все время предостережения:

– Я тебя очень прошу. Не ходите вы с гитарами на стадион. Дэнэк сейчас все время с ножом ходит. Вы можете держаться от Дэнэка подальше? Ходите на наш стадион к тринадцатой школе.

– Мы что, должны бояться этого придурка? У него еле душа в теле.

– Падишах, у него нож всегда с собой.

– Хватит чушь молоть, – уже кипятится Падишах. Он меня старше и здоровее. Уже и драться готов лезть. – Мы с ними со всеми справимся. Понял?

А Дэнэк все нарывается. И, как и следовало ожидать, засадил ножом Падишаха. Тот еле успел гитарой закрыться. Гитара вся разлетелась. Вася пытается заступиться и получает удар ножом в живот. Смерть.

Как только Дэнэк сел на десятку, на арену выходит еще один персонаж – Мартын. Он-то мне и нужен. Молодой, да ранний. Участвует во взрослых драках еще с шестого класса. Он моего возраста и с ним мне будет легче договориться. И у меня уже есть план.

На поминках Васи я оказался сидящим рядом с его девушкой Наташкой Сабариной. Наташка все время ревет, зубы стучат о стенку стакана. Прямо жуть. Падишах поручает мне проводить девушку домой. А Траф добавляет:

– И ты, это, постарайся её как-нибудь отвлечь. Ты же, дурак, сам отказался от нашей певицы. Теперь свободен. Постарайся привести Сабарину в порядок. Ну, сам понимаешь....

Я понимаю, провожаю. Наташка реветь перестала, идет, держа меня под руку и прижимаясь ко мне. Возле подъезда останавливаемся.

– Спасибо, что провел. Зайдешь?

Я пока не готов к такому повороту событий.

– Давай в следующий раз.

– Хорошо. Жду.

Наташка живет рядом с восемьдесят третьей школой. Поэтому, не мудрствуя лукаво, в этот самый «другой раз», проведив девушку домой, подхожу во двор этой самой школы. В сумке у меня пять по 0,75 биомидина, как тогда называли вино «Біле міцне».

– Привет, пацаны, – как ни в чем ни бывало, обращаюсь я к ним.

– Здорово. Ты кто? – с нескрываемой угрозой в голосе отвечает мне из темноты какой-то штымп.

– Сережа Гималайский из тринадцатой, – как можно добродушней отчитываюсь.

– Что надо? – опять тот же совсем недоброжелательный голос.

Вижу, как к нам подтягиваются еще несколько человек, неизвестно откуда взявшиеся.

– Хочу с вами выпить, – и достаю вино.

Компания добреет, но знаю прекрасно, что с ними расслабляться нельзя. Да еще вижу среди них Лиму – это тот еще отморозок.

Сидим спокойно, выпиваем. Пошли в ход анекдоты.

– Ты зачем пришел-то? – наконец задает давно ожидаемый мною вопрос невысокий, но крепкий пацан с бородой, Юра Ленин.

– Хочу с Мартыном поговорить.

– Говори. Вот он и сидит.

Юра указывает на угрюмого парня, который очень внимательно на меня смотрит. Отошли в сторону на край стадиона, и я достал бутылку хорошего марочного портвейна. Володя, среднего роста, ничем не выделяется из толпы своих сверстников. Ну, разве что – и то, если присмотреться – в глаза бросаются очень крепкие, широкие в кости руки да «гранитный» подбородок.

Предлагаю Мартыну организовать команду бойцов, для которой я найду применение.

– А с какой стати мы должны тебе подчиняться?

– Не должны, но я докажу, что смогу всё организовать.

– Хорошо, если докажешь, то я согласен. Что я должен делать?

– Ничего. Живи своей жизнью и помни о нашем разговоре. Если хочешь, то будешь участвовать, время от времени, в наших делах. Деньги пока будут небольшие, но, когда надо будет, то я дам команду, и, главное, быть к этому морально готовым.

– Долго ждать?

– Нет. Пару-тройку лет.

Глава 8

В это время на Матвеевском схожусь близко с хулиганами, живущими на Подоле. Они старше меня и гребут на восьмерке. Загребной у них и, по совместительству, второй человек в одной из подольских банд – Серега Шева, человек авторитетный на Подоле. Летом мы целыми днями на тренировке и только по воскресеньям встречаемся на Центральном пляже. Здесь весь Подол и Центр. Каждый уважающий себя киевлянин, за исключением разве что жителей Дарницы, отдыхает именно на Центральном.

В районе Золотоворотского, как называют этот сквер киевляне, обитает еще одна банда во главе с бородатым человеком, известным в Киеве, как Моряк. В банду входит и Вовка Лысый. Это высокий, плечистый, никого и ничего не боящийся пацан. И, как и положено музыканту, у него длинные волосы до плеч. Он бывал уже во Франции и видел там настоящих хиппи. Поэтому также иногда ходит босиком по улице. К тому времени он уже переехал вместе с родителями из одной комнаты в коммуналке в двухкомнатную брежневку на Борщаговке, которую приезжие почему-то называют хрущевкой.

Вовка Лысый руководит и всем хулиганским движением на Борщаговке. Он – мой сосед. Мы часто играем вместе в группах: он на гитаре, а я на барабанах, и, похоже, он меня

уважает. Даже берет с собой на кое-какие разборки в центре. Во время этого выбивания долгов мы и получаем опыт и, по моему, авторитет в Киеве.

В нашей подольской компании часто бывает и Лёсик. Небольшой, но очень наглый субъект, уже успевший отсидеть на «малолетке».

И как-то получается, что я, благодаря своим знакомствам и с Мартоном со Сталинки, и с подольскими, и с золотоворотскими, и с борщаговскими, постепенно втягиваюсь в постоянные выяснения отношений. Мало того – становлюсь и каким-то диспетчером по разборкам!

Сегодня мы помогаем выбивать карточные долги на Сталинке, а завтра едем бить зарвавшихся «чертей» на Борщаговке, послезавтра берем под защиту продавца пивом с Подола. Закрутилось. Пропускаю даже иногда тренировки и прекрасно понимаю, что близко знакомить всех со всеми не стоит. Зачем тогда я нужен? Будет руководить Мартон или Лысый, или Шева, например. Пока мне удастся лавировать между всеми благодаря тому, что ко мне стекаются все пожертвования от потерпевших и принятых под нашу защиту, конечно.

Но вот что-то в центре у нас не заладилось. В доме Моряка поселился какой-то странный субъект. Начал с того, что написал на Моряка жалобу или донос участковому о каких-то личностях не комсомольской внешности, которые нигде не работают, целыми днями сидят с гитарой во дворе, а вечера-

ми занимаются подозрительными делами. Это все мы.

Хочешь войны? Мы тебе ее дадим.

Сегодня ночью Лысый, Миха и я вышли из квартиры Морьяка. Он живет сам. Поднялись на пятый этаж и быстро пролезли по лестнице на чердак, а оттуда – на крышу. Конечно, замок на чердачном люке заранее был сбит. Вся наша команда, неторопливо и не шумя, подошла к месту над окнами этого, как потом выяснилось, Васи. Они с Морьяком живут в разных концах дома.

Окна на последнем этаже, и с земли их не достать. Прекрасно. Лысый опускает веревку с хорошо привязанным к ней кирпичом на уровень Васиных окон и закрепляет эту длину крепким узлом. Теперь остается только подтянуть кирпич наверх, а потом опять его бросить вниз, крепко держа инструмент устрашения за узел. Кирпич делает круговое движение и влетает прямиком в нужное окно. Затем, то же самое проделываем и мы с Михай.

Три окна вдребезги, а мы спокойно, без суеты, спускаемся в свой подъезд и выходим через второй черный выход во двор. Через проходняк перемещаемся уже на совершенно другую улицу, не забыв при этом положить кирпичи на место.

Дальше компания трех молодых людей спускается по знаменитой из «Адьютанта его превосходительства» лестнице на улицу Чапаева, а там спокойно стоит «тачка» с желтым

огоньком и Калиной за рулем.

А где был в это время Моряк? Хороший вопрос! Моряк, как и положено по конспирации, перед этим напился пьяным, был оставлен товарищами на лавочке и преспокойно провел ночь в вытрезвителе на другом конце города, отделавшись штрафом в десять рублей.

Но товарищ не понимает. Видать, не одним нам он насолил и еще не знает, от кого можно ожидать такой подлянки. Он пытается продолжать выяснять отношения с Моряком и пишет заявление на имя самого начальника милиции, обвиняя Моряка и всю его подозрительную компанию во всех смертных грехах.

Как бы то ни было, а нас это уже раздражает. Участковый стал постоянно по несколько раз в день захаживать проверять наш двор. Моряку предъявлены требования в месячный срок устроиться на работу, а заодно и заложить всех своих друзей, околачивающихся возле него.

Хорошо. В нашем арсенале есть и более радикальные, и даже смешные затеи.

За бутылку «Московской» водки стоимостью в два рубля восемьдесят семь копеек уборщик из общественного туалета на Бессарабке в субботу готовит нам целый кулек... самого настоящего вонючего говна, и оставляет это изделие в укромном месте.

А в воскресенье с самого утра Моряк отправляется на Центральный пляж, где будет отдыхать целый день на виду

у сотен киевских отдыхающих и многочисленных своих знакомых.

Утром в воскресенье Василий любит пройтись несколько раз вокруг Золотоворотского садика и поразводить руками в разные стороны. Кайфует от нового местожительства. Жлоб еще тот! Вот тогда они уже стали нас вытеснять из родного города!

Солнце недавно показалось из-за крыш старинных зданий, видевших здесь и Столыпина, и Багрова так, как видит сейчас Лысого и Василя. Не видело Светило здесь только Распутина. Побаявался Григорий Ефимович этого места.

– Уж не примеряешь ли ты на свою голову лавры Григория? – услышал я над правым ухом голос. – Не нужно. Он плохо закончил.

Я невольно вздрогнул и оглянулся. Никого. Только возле Золотых Ворот крутится пара-тройка зевак, да на одной из лавочек преспокойно сидит ВиктОрчик. На скамейке рядом с ним лежит коробка с «Киевским» тортом. Но руки, почему-то, в перчатках. Это летом-то! Хорошо, что на дворе солнечное утро, и зеваки еще не собрались вокруг развалин Золотых Ворот.

Во время этого променада Лысый не спеша подходит к Васе и с гримасой, которую позже освоят все киноактеры, играющие плохих парней, говорит:

– Чувак. Слушай здесь. Завтра пойдешь к ментам и забереешь свое заявление. Это если по-хорошему. Если же по-

плохому, то будешь нам должен до конца дней своих в Киеве. Так что выбирай.

Ему бы и выбрать хороший вариант. Так нет же! Он, как мы уже выяснили, очень крут. Он директор большого нового гастронома на Русановке – распоряжается потоками дефицитных товаров. У него все влиятельные люди того времени отовариваются. Он новый хозяин жизни. Вася хватается Лысого за руки и кричит:

– Попался! Сейчас ты пойдешь со мной в милицию. Я тебе покажу, кто здесь хозяин!

Лучше бы он этого не делал и не кричал. Лысый преспокойно выкручивает свои руки и отходит в сторону, а со скамейки вскакивает ВиктОрчик, на ходу доставая из коробки известный нам кулек и с разбегу вlepливает Василию этот кулек в рожу. После этого деловито насаживает и коробку из-под торта на голову остолбенелому начальнику дефицита. Лысый с ВиктОрчиком переходят Лысенко, углубляются в проходной двор и через Франко и Чапаева очень скоро оказывается на площади Победы.

Мы, по простоте душевной, подумали, что дело примет ментовской оборот и подготовили к этому всевозможные алиби. Не учли мы, по неопытности, самого главного: Василий, как и очень многие уже к тому времени распоясавшиеся от шальных денег и безнаказанности торговые работники, оказался... шпилевым. А раз шпилевой, то и вокруг них всегда крутится бесконечное количество всяких бластных, быв-

ших спортсменов, охраняющих крупных игроков, выколачивающих карточные долги и оказывающих прочие подобные услуги нашим богачам.

Прошло совсем немного времени, и как-то поздним вечером Моряка и провожающего его Калину встретили возле подъезда. К этому времени Моряк где-то раздобыл переведенное на русский язык пособие по рукопашному бою для сотрудников Абвера, и они с Калиной усиленно тренировались. Да и при себе Моряк всегда имел нож. У Калины в этот вечер нож был тоже. На тренировке они отрабатывали ножевой бой.

Моряк с Калиной подходят к дому Моряка, поворачивают во двор, и тут дорогу им преграждают восемь человек уркогоганской наружности. Урки двигаются в сторону Моряка и Калины, окружая их. Первый из них – с ножом.

Тот, который с ножом, бросается на Моряка. Моряк успевает достать из кармана свою финку и, увернувшись, бьет бегущего на него. Первый урка падает и не встает. Калина сбивает с ног второго нападающего и бьет финкой третьего. Тот падает и не встает.

Моряк становится спиной к спине Калины и успевает нанести два удара набросившемуся на него четвертому урке, но в то же время пропускает удар сбоку от пятого и второй удар с другой стороны от шестого. Моряк падает.

Моряка начинают бить ногами пятый и шестой урки. Моряк закрывает лицо руками. Калина разворачивает и бьет

финкой пятого урку. Тот приседает, держась за бок, потом заваливается в сторону.

Шестой бандит прекращает бить Моряка, разворачивает к Калине и вынимает свою швайку. Моряк вскакивает и сбоку выбивает нож у шестого. Моряк начинает драться с шестым бандитом, нанося и пропуская боксерские удары.

На Калину прыгают сзади седьмой и восьмой уркоганы, а с трудом поднявшийся второй урка, бьет Калину финкой. Калина хватается за живот и заваливается вперед.

Моряк добивает шестого соперника. Тот падает и не встает. Моряк хватается швайку, выроненный шестым уркой и бьет им в бок второго визави. Тот падает и не встает.

Моряка обхватывает сзади седьмой и восьмой уркаганы, а четвертый с подскоком бьет Моряка ногой в живот. Моряк теряет сознание, но четвертый бандит бьет Моряка ногой еще раз.

Раздается милицейская сирена, седьмой и восьмой уркоганы бросаются врассыпную. За ними, сильно хромая, убегают и четвертый бандит. На земле остаются лежать Калина, Моряк, первый, второй, третий, пятый и шестой уркоганы. Рядом резко тормозит милицейский уазик, из него с криками выскакивают четыре милиционера.

Такая некрасивая история. Моряк получил свои шесть, Калина – четыре. Почти не пострадали нападавшие. А седьмой и восьмой урки, вообще, были отпущены из зала суда.

Ну, это все нас взбесило! Прямо днем, когда дома остался один Василий, Кудя стоит на стреме на нижнем, я – на верхнем этаже. Там же и Макс в парике с длинными волосами, который мне привезла тетя из Польши. Миха звонит в дверь. На грозный оклик:

– Кто там?

Миха отвечает:

– Телеграмма из суда.

Видимо, это «из суда» действует завораживающе. Знает, сукин сын, что рано или поздно, но суд будет. Наш Вася открывает многочисленные замки на дверях, а в это время Макс спускается вниз по лестнице и, проходя мимо Васиной квартиры, заряжает ему в челюсть. Вася отлетает внутрь коридора, а подоспевший Миха швыряет туда же банку с бензином и бросает зажженную спичку. Не забыв закрыть дверь за собой, все вчетвером выходим из подъезда и расходимся в разные стороны. Квартира выгорела не вся. Вовремя подоспели пожарные, пожарка рядом. Вася в одном халате, чуть живой от страха и слегка обгоревший, успел выскочить.

Шутки закончились. Лысому набивают стрелку какие-то, похоже, спортсмены. Да еще нагло требуют, чтобы он был со своими людьми. Как они нас нашли, для меня до сих пор остается загадкой. Но загадка-то загадкой, а стукачи еще никогда и нигде не переводились. Но вот кто именно этим всем руководит? Я даже не подозреваю.

Вы хотите войны? Мы ее вам дадим.

Стрелку набиваем вечером в одном из центральных дворов на Большой Житомирской. Это одна из древнейших и красивейших улиц Киева. Возникла ещё в одиннадцатом веке во времена Киевской Руси на дороге в Житомир.

В начале девятнадцатого века состояла из двух частей – нижней (от Козьего болота до Михайловской площади) и верхней – как Житомирская улица. В 1830-е годы – неофициально, а в 1869 году – официально, нижняя и верхняя части улицы получили названия Малой и Большой Житомирской улиц соответственно.

Нас интересует верхняя улица. По фасаду это сплошь старинные здания великолепной архитектуры и разного цвета. Дворы же всех зданий выходят во второй двор, а вторая линия таких же красивых домов – на Старокиевскую гору, заросшую практически лесом и очень круто спускающуюся на Подол. В этом месте это Воздвиженка и Гончары-Кожемяки – старинный, с еще дореволюционными домами, Подольский район. Оттуда родом почти половина нашей подольской братии. Они знают здесь все входы, выходы, закоулки, подворотни и скрытые тропинки для крутого подъема на гору.

На дворе бабье лето – моя самая любимая пора. В основном, гора заросла клёнами, они выкрасили её каким-то колдовским цветом. Буйство желтых тонов от золотистого до коричневого кое-где сменяет зеленый до салатového. В насыщенный зеленый оделась и хвоя старинных елей. Пятна ярко-красной рябины не дают застыть движению глаз по золоту

кленов и даже на блеске великолепной Андреевской церкви, которая выглядывает в просвете старинных домов. А кусты, подступающие прямо ко-двору, окружают это великолепие багряным кольцом. Чуден и красив был Киев в те времена...!

Дом, выбранный нами для стрелки, вообще, закрыт и загорожен на ремонт. Отгорожен и от глаз ретивых соседей. Лучшего места для таких стрелок и засад в Киеве не сыскать.

Они было покочевряжились:

– Едьте к нам.

– Не хотите – как хотите.

Соглашаются, даже не изучив местности. Очень уж охота поставить каких-то молодых бакланов на место. А мы к такому ответственному мероприятию готовимся серьезно. Траф, Мамочка и Шамота уже окончили школу и работают таксистами. Приходится заплатить начальнику колонны и директору автопарка, и наши пацаны получают три далеко не новых, но фургона-такси. На них и приехали Лысый, Макс, Шуня, Баскетболист, Швед, Падишах, Кудя, Мэтр, ВиктОрчик, Мясник, Бара, Мартын, Жеша, Ленин, Мартон, Миха, Лёсик и я. Жаль, Иванушки нет с нами. Он как сдуру поступил в общевоисковое военное училище, так и никак не может вырваться из цепких лап невоенной военщины.

Стоим в глубине двора, когда откуда-то, как снег на голову, появляется... Кисель – невысокий, но очень крепкий боец, с десятком здоровенных, видимо, также борцов. Кисель к тому времени имеет свою банду, которая занимается выби-

ванием долгов со шпилевых. Отсюда знает нашего Василия, который к ним обращается за помощью. Вася наплел, что мы ничего не стоим, мелочь пузатая. Оттого они и неряшливо подходят к мероприятию, не подготовившись как следует.

Мы стоим, сгрудившись в тесноватый круг, и Кисель неторопливо направляется к Лысому, выступающему вперед из нашей компании. А борцы спокойно, без лишней суеты, окружают нас и становятся в напряженную стойку.

В это время бригада Моряка шарит по всем окрестным дворам в поисках киселевского подкрепления. Никого. Слишком они самонадеянны. Люди Моряка – все местные, и знают здесь каждый проходняк, куда выходит каждый подъезд. Очень быстро убедившись, что в ближайших дворах нет ни ментов, ни спортсменов, они вваливаются через арку во двор и в свою очередь деловито окружают спортсменов. Вход в арку тут же перегораживают две машины такси с нашими за рулем.

– Что это значит? – недовольно произносит Кисель.

– Это значит, что не нужно нас окружать. Мы и сами окружать умеем, – отвечает Лысый с известной уже всем очень страшной гримасой на лице.

Тут Киселя осеняет. Он проходит чуть вперед и заглядывает нам за спину. Внизу, под небольшим обрывчиком, в красивейшей роще, затаилась подольская группировка, состоящая из спортсменов Шевы. Все с крепкими колками в руках. Все это происходит в самом центре Киева. Сами мы

все без оружия и ножей, хорошо помня историю с Моряком. Подольских в наступающих сумерках, среди кустов, не видно, но Кисель уже все понял.

Договариваемся развести силы в разные стороны и приступить к разговору, по существу. Но тут не выдерживают нервы у этого придурка Василия:

– Я тебя запомнил. На этот раз точно будешь в милиции, – взвизгивает он в сторону Лысого и еще косится на ВиктОрчика.

И это на практически криминальной стрелке он начинает угрожать нам милицией! Да еще история с Моряком и Калиной, которые сели, и мы трактуем это как ментовскую засаду, чем та разборка и была. Слишком уж быстро менты появились и чересчур безнаказанно ушли те, четверо. Мы, хоть и молодые, но уже отсидевшие Шуня и Лёсик разъяснили, какие в таких делах порядки.

Кисель хватается за голову. Удар по его реноме. А Лысый цедит сквозь зубы:

– Ну, все. Мы попишем его сегодня же.

Обстановка опять накаляется до предела. Присевшие в глубине двора спортсмены, да и наша братва, начинают шевелиться, встают, подходят ближе. Уже слышны и легкие запугивания друг друга. Макс и Кисель с трудом успокаивают своих. А Кисель заявляет Василию, что его дела теперь плохи.

Теперь уже втроем – Кисель, Лысый и изрядно струхнув-

ший Василий, отходят, от греха подальше, вглубь двора. Далее все уже идет мирно. Переговоры заканчиваются тем, что Вася берет на себя подогрев Моряка и Калины в зоне и выкупает их оттуда, как только мы находим концы у вертухаев. Также Василий забывает о нашем существовании и выплачивает нам единовременный взнос в десять тысяч рублей.

По тому как быстро и радостно Василий согласился, мы поняли: то, что для нас огромные деньги, для таких, как он – это крохи. Очень нам теперь пригодится эта информация!

Мы же, в свою очередь, забываем о существовании Василия, позволяем ему переехать на новое место жительства и не проводим актов мести. Что он должен Киселю за свое практически спасение, на стреле не оговаривалось. Кто же будет перед нами раскрывать секреты производства? Но Кисель не возражал, а, стало быть, остался доволен.

Исходом этих разборок недовольны не знаю, как киселевцы, а наши все. Прослышал про нас молодой, но уже влиятельный урка с Подола – Татарин. К нему в друзья переметнулся Лёсик, а все подольские потихоньку переходят к Шеве. Ну что ж, им там ближе, и вокруг все свои. Я не в обиде, и мы не ссоримся.

Недовольна вся бригада Моряка. Не отомстили. Как им объяснить, что Моряк все равно бы сел – не сегодня, так завтра. И кто его тогда бы вытаскивал? У нас ни опыта, ни знакомых, ни таких денег нет. Не понимают. Теперь они сами. Сами долго не протянут – сядут все. Их дело. Отвалил и

Мартон. Кисель давно о нем слышал и сразу же после стрелки пригласил к себе. Ну что же, Мартону там ближе.

Кто же такой оказался впоследствии этот самый Кисель?

Лидер одной из самых многочисленных и влиятельных бригад, имел все шансы стать официальным мафиози номер один.

Глава 9

Кисель Владимир Карпович имел погоняло Дед или просто Кисель. Родился первого февраля 1946 года в селе Григоровка под Киевом. Окончил Киевский инфиз. Борец.

Личность, безусловно, примечательная. Прямо партийный работник того времени.

А в 1981 году был осужден за разбой на четыре года лишения свободы. На зоне особо не выделялся – козлил, что в переводе с лагерного означает: трудился в администрации в должности завхоза. Правда, быть козлом можно на любой другой должности.

Освободившись, вернулся поближе к шпилевой братии. Опять сколотил коллектив единомышленников. Кидали киевлян и некиевлян, прибывших в Киев, в основном в аэропорт Борисполь. Технология проста, как угол дома. Высмотрев гражданина посолидней, предлагали:

– Есть свободное место, недорого беру.

Но в машине всегда оказывались попутчики. В дороге подельники Киселя разыгрывали спектакль: начинали между собой карточную игру, дабы скоротать время в дороге, приглашали присоединиться и соседа.

Попал и я однажды, невольно, по глупости моего товарища, в такую историю, но в другом месте:

– Куда ехать?

– Никуда, – отвечаю.

Я никогда не сажусь в чужую машину, если это не такси, даже если очень спешу, но товарищ соглашается. Мы прилично заработали на львовской «толкучке», и он торопится поскорее сесть на поезд да заняться пьянством в тамошнем ресторане.

– Ох, вы знаете, у меня как раз два пассажира уже есть, и в ту же сторону. Ну, не ехать же полупустым!

Мы вваливаемся в старенькие жигули. В машине уже отдыхают два пассажира, ожидая попутчиков. На переднем сидении сидит громада под метр девяносто, на заднем – вертлявый мужик. По такому почти всегда видно, что он нигде не работает. Я не смотрю, а Игорь не видит. Как только машина трогается, вертлявый ко мне:

– А что просто так ехать? Скучно.

– Лично мне не скучно.

– Может, сыграем, просто так, в дурачка?

Не успел я и глазом моргнуть, как Игорь начинает игру. Я дремлю. Сыграв быстро одну партейку в дурака, вертлявый заявляет:

– Не интересно. Давайте хотя бы по копейке для интереса. Скучно так играть.

Я сразу же просыпаюсь. Этого еще мне не хватало. Но куда там! Игорь уже играет. Для этих целей всегда находится газетка и расстилается у среднего пассажира на коленях,

чтобы все видели, что никакого обмана нет и в то же время можно было быстро ее свернуть вместе с деньгами и выйти из машины. Суть игры очень проста: если ты кладешь рубль, то следующий, если уверен в своих картах и хочет ответить, должен положить, хотя бы, рубль и копейку, но больше, чем предыдущий.

Игра очень быстро переходит с копеек на рубли, затем на десятки, потом на сотни. Тысяча рублей тогда была гораздо солидней, чем сейчас тысяча долларов. Игорю дают несколько раз выиграть, и он уже сам не свой – жадный очень. Я волнуюсь уже всерьез, но пока не могу сообразить, что же делать. Все же инстинктивно снимаю с головы вязаную шапочку и кручу её в руках.

И вот наступает кульминация. Игорь толкает меня в бок. Ну как же – у него туз и десятка, и он уже хочет сорвать банк. Водитель кудахчет, как наседка, все время, оглядываясь на кучу денег на газете:

– Ох, что же это? Ой, я и не думал, что так обернется. Вот это мужчины! Ой, что же будет?

Я, кстати, прекрасно знаю дорогу на вокзал, и по моим подсчетам, мы должны были туда доехать еще двадцать минут назад. Громила прекращает поднимать и выходит из игры. Через пару минут водитель тормозит в совершенно безлюдном месте. С одной стороны – овраг, заросший каким-то коричневым лесом и колючим кустарником темно-зеленых тонов, с другой – череда серых трех, четырехэтажных домов

и ни одного прохожего на горизонте, хотя сейчас середина дня. Игорь, очень довольный, открывает карты и тянется уже к газете, когда вертявый спокойно кладет на эту кучу денег два туза. Немая сцена....

– Подшустрили, шустрилы, – взвизгивает мой товарищ и отбивает руку вертлявого от газеты.

Игорь хватает жменю сторублевки и бросает вертлявому в лицо, а я, быстро наклонившись вперед, напяливаю громиле на голову до самой шеи вязаную шапочку. Громилка поднимает руки вверх и немного теряет координацию, ему в жигулях неудобно поворачиваться, а я, что есть мочи, толкаю его на водителя и выскакиваю из машины. За мною быстро вываливается мой товарищ, прижимая скомканную газету с деньгами к груди. Я тащу его за шиворот и толкаю со всей силы ногой в дверь машины, из которой попытался вслед за Игорем выскочить вертлявый.

Теперь мы несемся вдоль домов до ближайшего поворота и я, напоследок оглянувшись, вижу трех участников игры с ножами в руках, также выскочивших из машины и перебрасывающихся какими-то криками. За поворотом – другой поворот, затем большая улица. Тормозим первое же такси и довольно быстро добираемся до вокзала.

Заскакиваем в совершенно пустой вагон, закрываемся в купе и видим в окно, как по перрону очень деловито и быстро пробираются уже пятеро, оглядывая всех встречных и заглядывая в окна поезда. Мы быстро и плотно задергиваем за-

навески, надеваем кастеты и пригибаемся, но тут поезд медленно и без предупреждения трогается и потихоньку набирает ход. Что было бы, если бы он постоял еще несколько минут – неизвестно, но ничего хорошего – это точно.

Пересчитав деньги, убеждаемся, что мы еще и нажились. Немного, но нажили. Вот такая была игра. Когда я рассказал эту историю своему другу, то Шуберт, уже к этому времени отсидевший, был очень недоволен:

– По понятиям карточный долг свят. Если проигрались, как лохи, то должны заплатить.

– А если они подшустроили?

– Все равно. По понятиям нужно платить.

Имели мы в виду такие платежи и понятия. Но это было у нас, хоть молодых, но решительных спортсменов, а если обычный и, к тому же, уставший после дороги пассажир соглашался на игру, то это означало, практически всегда, одно – через двадцать минут пути по бориспольской трассе лох покинет авто, проигравшись до трусов.

Кисель не ограничивался киданием наших соотечественников. По возвращении из колонии он как-то сразу вписался в уже сформированный воровской мир Киева. Врожденные качества и опыт, приобретенный на нарах, позволили Киселю поставить себя в воровском сообществе.

Период становления Деда пришлось на конец восьмидесятых – начало девяностых годов. Вскоре под началом Кисе-

ля трудились несколько десятков бойцов, преимущественно – деловые.

Владимир Кисель обращает свой взор на наиболее лакомые куски родного Московского района Киева. Он прибывает Центральный автовокзал, Южную автостанцию. Запускает сюда своих наперсточников, изгоняя чужаков, отказывающихся платить дань, более покладистых включает в бригаду.

Устанавливается сумма ежемесячного платежа для автовокзальных таксистов, проституток, торговцев наркотиками, книжников и прочих деляг.

Пытается Кисель руководить и в других районах. Так, один из бригадиров – Леша Тёплый (Алексей Теплицкий), помимо торговцев книгами на Выставке, находящейся на полностью прибитой кисилевцами Сталинке, собирал пожертвования в бригаду с художников и кооператоров на многолюдном Андреевском спуске – почти-что Арбате, но только в Киеве.

Постепенно в руках Киселя начали скапливаться уже иные суммы, чем в прошлые времена. Но и картежное шулерство, а также новую разновидность азартного кидка – наперстки Карпович не забывал. На тот момент вокруг Деда успела собраться представительная шулерская братия, и большей частью Киселю приходилось исполнять роль пахана – администратора: расставлять бойцов на точки, используя свой авторитет, решать спорные вопросы с сопредельными группировками, следить за неукоснительными поступлениями.

ями отчислений.

«Процесс подминания или как модно теперь говорить рэкет – бригадами совсем юных коммерческих структур в Киеве приобрел всеобщий характер. В 1989-1992 годах Украину захлестнула волна дичайших вымогательств. Бойцы врываются в конторы и выставляют не подлежащие обсуждению счета. Не согласных с таким подходом к делу везли в лес, где доказывали свою правоту с пристрастием», – версия правоохранительных органов и, конечно же, такие страшилки больше из художественных фильмов.

На самом деле все было несколько иначе. Дело в том, что к этому времени в стране произошел полный развал государственного управления. Порядка не было нигде. Чиновники всех мастей, видя, как буквально в один момент богатеют отдельные сограждане – кооператоры, кинулись брать взятки и не разрешать абсолютно ничего. Не работали ни суды, ни милиция, ни прокуратура. Они были, но все решалось только за взятки.

Сразу же появилось несметное количество наркоманов и всевозможных отморожков. Вас могли избить прямо среди бела дня – и ни одного милиционера, ни одного свидетеля. Люди работали, а им не платили зарплату. Заводы, фабрики и научные институты стали массово останавливаться и увольнять растерянных работников. Люди прибегли к старому испытанному способу – натуральный обмен. Пошли

на базары продавать все, что есть и покупать, что надо, а у них забирали и деньги, и хороший товар какие-то люди и по несколько раз в день. И не к кому обратиться за помощью! В милицию приходишь и слышишь:

– Да вы спекуляцией занимаетесь! Мы вас посадим.

На этом фоне куда страшнее было появившемуся, как из-под земли, новому виду очень успешных людей – кооператорам. Конечно, появились они точно из нашей жизни. Все сто процентов этих бойких людей, так или иначе, нарушали Закон. В лучшем случае – не платили налоги, что по нашим представлениям вообще просто шалость, а вот в цивилизованных Штатах – крупное преступление. Но в первых кооперативах люди хоть работали. Продавали, покупали, ремонтировали, кормили. Лечили, с горем пополам, возили, что-то выращивали.

И тут же появилось громадное количество всяких кооперативов при предприятиях, затем малых предприятий при предприятиях, затем просто малых предприятий и всевозможных ООО. Все это воинство возглавлялось руководителями этих самых предприятий, их родственниками или доверенными людьми. У всех без исключения составлялись фиктивные договора аренды производственных помещений, где на бумаге была единица, а неучтенным налогом – сто. Под всевозможными предложениями начался перевод основных фондов из государственной собственности сначала в аренду, потом в аренду с выкупом за бесценок в собственность всех

этих воровских, другого слова и не придумаешь, фирм. И так во всех, без исключения, сферах народного хозяйства.

Получить кредит в банке было практически невозможно. Врут и не краснеют те нынешние богачи, которые на справедливый вопрос: «А где же вы, собственно, взяли деньги на то, чтобы так раскрутиться?» отвечают: «Я что-то там доказал и кого-то там убедил, и мне под мою идею дали кредит в банке».

Чистой воды вранье!

Зато всевозможные крупные чиновники, их родственники и знакомые, менты, вчерашние комсомольские и партийные лидеры и другое ворье, у кого были свои люди в банках, начали брать миллиардные кредиты. Потом закупали на них валюту и преспокойно ждали несколько лет. При той галопирующей инфляции миллиард превращался в десять тысяч за год. И теперь эти жулики спокойно отдавали к тому времени разорившемуся на таких кредитах банку эти десять тысяч, хотя закупили они тогда валюты на миллион. Давали, конечно, все сто процентов кредитов за откат.

Появилась даже формулировка – невозвратный кредит. Заведомо невозвратный! Его давали банкиры всяким отморозкам за откат с половины. Потом те в лучшем случае сбегали за границу, а в худшем их просто убивали. И концы в воду. Брали такие кредиты и все наши нынешние, так называемые, бизнесмены, но они никуда не сбегали – пошли в политику. И все, задница прикрыта!

В этой атмосфере полной безнаказанности начались и кидки друг друга. Один разливал паленую водку, а другой брал её на реализацию и не возвращал деньги за проданный товар. Ты приезжал из-за границы, где покупал те или иные вещи и продавал их через коммерческие магазины, не платя никакие налоги вообще, а твоя квартира по наводке, и ты даже знаешь кого и кем, обворована до нитки. К тебе приходят какие-то люди с ментовскими документами и разводят тебя на крупные деньги. Фирма перечисляет предоплату за товар, а взамен – ничего. К тебе приходят какие-то крепкие люди и говорят:

– Мы – твоя крыша. Мы же знаем, что ты не платишь налоги. А вчера сбил на машине человека.

Забирают деньги, а завтра приходят другие и говорят тоже самое. И никто ни за что не отвечает. Милиции не существует.

А еще были цеховики с настоящими миллионами валюты в кармане. Были бармены с миллионами в кармане. Были валютные бармены с миллионами валюты в кармане. Завскладами, завбазами, антиквары, зубные техники, держатели всевозможных подпольных борделей, картежные шулера, умные проститутки, замдиректора по снабжению, директора колхозов и совхозов и прочие, и прочие, которые тут же кинулись легализировать свои подпольные миллионные накопления.

Появилась масса отморозков, прибывших неизвестно от-

куда, – всевозможные спецназовцы, выведенные из различных загранич и горячих точек и брошенные на произвол судьбы, но имеющих на руках огромное количество огнестрельного оружия, гранат и патронов. И эта публика начала беспредельно грабить новых хозяев жизни.

Поэтому все эти так называемые бизнесмены сами были кровно заинтересованы в надежной и стабильной защите. Они сами искали себе надежную крышу и защиту, и защита не заставила себя ждать. Все киевские и приезжие мало-мальски авторитетные хулиганы, уголовники всех мастей, неприкаянные спортсмены, в основном связанные с единоборствами, отдельные бывшие военные начали сбиваться в стаи, или, как тогда говорили, бригады.

Естественно, все это было не бескорыстно, но ни о каких зверствах пока речь не шла. Были, конечно, и странные люди, которые не обращались к новоявленным бандитам и наотрез отказывались им платить.

Напротив Оперного театра, в подвале, открылось очень приличное кафе «Максим». Хозяином здесь был, как он сам представлялся, бывший муж дочери Щербицкого, что вполне вероятно, потому что получить такое место для бизнеса простому даже жулику было практически невозможно. Кафе всегда было заполнено артистами театра и прочим творческим людом, было довольно дорогое и приносило весьма неплохие деньги.

Уж не знаю, почему, но этот человек действительно не

платил. Скорее всего, он рассчитывал на какие-то старые родственные связи. Весь центр держали тогда попеременно то Череп, то Москва, и как мне рассказывал сам Москва, «Мои люди приезжают к нему через день, бьют его, он сидит весь в крови, а платить отказывается».

Надо заметить, что это было не раз и не два, но он так платить и не стал! И люди Москвы махнули на него рукой. Но это был глупый поступок. Тогда кафе у него отняли вполне официально, вполне официальные дяди за какой-то там проступок. Платил бы – не отняли бы, было бы к кому обратиться за помощью. А уж бригадные никому бы не позволили забрать такой лакомый кусок!

Когда все коммерческие предприятия были разделены между сформировавшимися приблизительно двадцатью киевскими бригадами, вот тогда и стали очень явственно проявляться непомерно разросшиеся бригадные аппетиты. Слишком уж много их развелось на то время, да и деньги зарабатывались пока нетрудно. Перетерли на стрелке, кому какая фирма отходит, и разошлись.

Наравне с получением денег за крышу, киселевцы, да и остальные киевские бригады – кто больше, кто меньше, – начали внедряться в опекаемые ими же фирмы на должности начальника службы безопасности, заместителя директора, а кто попроще, то охранника. Таким путем братва числилась в штате фирм, получала совершенно реальную зарплату. Кроме того, засланные казачки полностью контролировали финан-

совое положение на предприятии.

Частенько, особенно если руководитель что-либо крысил или припрятывал от вездесущего бригадного ока или же просто не нравился Деду или его замам, эти коммерческие структуры со временем, уже де-юре, переходили в бригадную собственность. Таким образом, Владимир Кисель, в содружестве с авторитетом по кличке Черный и уже нам известным Мартоном, подгребали фирмы Московского района, расставляя на должности учредителей своих людей.

Поводов для изменения формы собственности коммерческих структур находилось невообразимое множество. Так киселевцы прибили кафе «Голосеевское», фактически ставшее их штабом, откуда Дед руководил своим растущим и крепнущим войском.

Сам Кисель непосредственного участия в вымогательствах не принимал, ограничиваясь мудрым руководством действиями своих бойцов, ну а сдавать своих старших милиции в таких кругах как-то не принято.

Влияние Киселя в городе росло, и из «Голосеевского» штаб бригады перебирается в гостиницу «Мир». В бригаде уже больше сотни бойцов. К 1992 году киселевская организация насчитывала около трехсот бойцов и сотню автомобилей. В сообщество входило шестнадцать бригад.

Окружение Киселя составили весьма авторитетные люди криминального Киева. В штаб, руководимый Дедом, входили Усатый (Александр Гешелин), Вата (Виктор Радченко),

Парамон (Вячеслав Парамонов), Шрам (Алексей Черевченко), Гафа (Виталий Фроленко), Теплый (Алексей Теплицкий). Мартон в то время больше общался с Черным, но далеко от киселевской бригады они не отходили.

Очень плотно сотрудничал с Киселем Цыбар (Владимир Волошин). У Цыбара была своя группа, бригадирами в которой были Колобок и Пузик. Загом Волошина был Мансур. Они крышевали фирмы, занимались разбоями – большей частью на Сталинке, Печерске, Борщаговке, Отрадном. Вроде бы, у него даже находился общак, который перекочевал к нему после убийства Слепого.

Слепой – Александр Яновский – заведовал бригадной кассой Киселя. Убит в 1991-м в квартире сожительницы в Дарнице, ночью. Будучи матерым уголовником, он никого не впускал без предварительной телефонной договоренности, причем сначала выходил на балкон и смотрел, кто пришел. На всякий случай у входа держал два заряженных пистолета, которыми так и не воспользовался. Слепой открыл дверь и пошел вперед, а в результате был застрелен в затылок.

Еще в 1989-м году Слепой подрезал в драке другого авторитета Лысого (Василий Старук). Отношения между ними накалились. Слепой, воспользовавшись тем, что Старук попал в немилость к одному из двух главных уголовников Киева – Буне (о чем подробнее расскажем, когда будем упоминать Буню), Слепой на уголовной разборке одним ударом сабли отрубил Старуку голову. Так как Старук принадлежал

к клану другого главного авторитета Киева – Пуле, то судьба Слепого была предрешена. Это был только вопрос времени.

После того, как Волошина взорвали в собственном авто в 1994 году, его пост занял авторитетный товарищ Геннадий Трипольский. Вернувшийся в 1988 году из зоны, Геша, помимо того, что курировал взаимодействие входящих в киселевское сообщество бригад, еще и контролировал сбор дани на Владимирском рынке, с грузчиков Дома мебели, но как-то скоропостижно скончался.

Авторитет Вата числился директором малого предприятия «Сокол», работал, в основном, по торговой части – руководил, подпольно конечно, всем общепитом и торговлей Московского района. На нем была и воспитательная работа – проводил разбор полетов по всем косякам членов бригады. В период становления киселевского царства Вата на равных с Дедом.

Вата был очень солидным человеком в Киеве. Когда был достроен новый корпус гостиницы «Русь» – одной из самых больших и доходных гостиниц Киева, то завскладом и кладовщиком на склад должны были идти Самуил Борисович, непререкаемый авторитет для руководителя гостиницей Сидорова, и я, ученик и младший товарищ Самуила Борисовича.

Сидоров был ставленник ЦК комсомола Украины и одновременно украинского КГБ. На то время эти службы уже почти слились в одну кузницу кадров для ЦК партии. И,

несмотря на такую поддержку, нам с Самуилом Борисовичем пришлось потесниться. Завскладом захотела стать родная сестра Ваты.

Она, кроме этого, собиралась взять с собой и сына. Стать завскладом она-то стала, а вот сын, двухметровый каратист, зачем-то подался в телохранители к дяде и вскоре вместе с ним был застрелен прямо в своей девятке.

Кто мог пойти на такое? Вряд ли простой бандит. Хотя, на дне рождения Ваты произошел конфликт между очень авторитетными бандитами Кайсоном и Купцом с одной стороны и братом футболиста киевского "Динамо" Каладзе. После этого Вата, ко всему еще курирующий футбольную команду, вместе со своим отморозенным племянником, приезжал на квартиру Купца, где был также Кайсон. Иванов даже два раза стрелял из пистолета в стену.

Но, скорее всего, это был человек, тесно связанный с конторой.

Вот по наводке случайного прохожего задержан и сын Киселя с целым арсеналом оружия в багажнике, а дело взяло и как-то само собой замялось.

После убийства Ваты, Кисель стал основным лидером на Сталинке и в прилегающих местах. Пользуясь моментом, он значительно расширил свое влияние и границы.

Еще один киселевский авторитет, Шрам, окопавшийся в гостинице «Мир», действовал со своей бригадой большей

частью в центре города, на Печерске и на Борщаговке.

Группа Шрама специализировалась на угонах. Машины разукomплектовывали, перебивали номера агрегатов и продавали. Также Шрам курировал всех шпилевых на Сталинке и Борщаговке, отвечал за организацию вообще всех азартных игр в подведомственном районе. Люди у него были лихие, и числится за ними не одно убийство.

В тесной связке со Шрамом работал и известный сиделец Олег Айрапетов или Алёна, отвечавший за сбыт наркотиков. Алёна к тому же был мастером спорта по дзюдо. Но Шраму не повезло – убит. Очень конфликтный был человек.

Группа Теплого, мастера спорта по боксу, собирала плату с художников и кооператоров на Андреевском спуске, торговцев, продававших книги с лотков на Выставке и в других точках Московского района, контролировала Центральный автовокзал. Его люди держали «Зоорынок» на Куреневке, а после разгрома милицией бригады Александра Кадырова Кисель назначил Теплого ответственным за Владимирский рынок.

Теплый поддерживал тесные связи с адвокатом Ярославом Ганчуком. Тот занимался не только юридическим обеспечением деятельности бригады, но и давал наводки на состоятельных людей.

Но вернемся к нашему главному персонажу – Киселю. Дед всегда был неразговорчивым, скрытным, резким и мстительным. Собственно, таким и должен быть лидер в подобной

среде. Деньги тратил на развитие полукриминального бизнеса (иного в этой местности не бывает). Сразу же за Савлоховым Кисель открывает в гостинице «Мир» казино.

Одним из первых взялся Дед и за базары, да так успешно, что вскоре вся страна превратилась в один сплошной базар. И на долгие годы все руководители, как города, так и целой страны, полностью погрузились в проблемы установки киосков, или рундуков, как их раньше называли.

Первый такой капиталистический прорыв случился именно на территории Московского района столицы. Владимирский рынок приютил первых челночников. Все торговцы платили киселевцам: пять рублей в день с человека, торговавшего с рук, десять рублей – с лотка.

С начала 1992 года менты начали прессовать на Владимирском рынке торговцев и челночников. Цель этого мероприятия проста – собрать заявления с торговцев о вымогательствах со стороны бригады Киселя. И это им удалось. Результатом операции стал десяток собранных заявлений от потерпевших, что позволило задержать злодеев – костяк группы, руководимой киселевским бригадиром Александром Кадыровым, который входил в бригаду Киселя и отвечал за Владимирский рынок.

Мастер спорта по боксу Кадыров не занимался вымогательствами непосредственно. Это и помогло ему тогда увернуться от милицейского возмездия. Как и следовало старшему, он распределял обязанности и делил деньги, отчисляя

немалую часть заработанного Деду. Жил по понятиям, был бережлив. Братва его не любила, считая чересчур жадным.

Ныне Александр сменил фамилию и стал депутатом Верховной Рады Украины, избалован СМИ. Заядлый тусовщик, ценитель красивых женщин и классных лошадей, устроитель конкурсов красоты и конных состязаний, он ведет праздный образ жизни, в котором, казалось, физически не может быть времени на прочие занятия. Но нет, ко всем своим прочим достоинствам, Александр осваивает тонкости модельного бизнеса, он еще и преуспевающий бизнесмен.

Безусловно, Кадыров – это самый колоритный персонаж из всех участников киевских бригад. Приглядимся к нему внимательней. Сей герой каким-то непостижимым образом взял, да и стал в одночасье бизнесменом, по значимости и богатству стоящим гораздо выше самого Киселя.

Непостижимо это, конечно, для рядового гражданина, который и понятия не имеет, как делаются деньги в Украине. Нужно просто внимательно прочесть биографию интересующего нас лица и можно – даже вскользь – биографию его родственников.

Так вот, отец Кадырова когда-то работал замначальника оперчасти Лукьяновского СИЗО (в Киеве), причем был на хорошем счету у начальства и коллег по работе. В интернете также есть информация о том, что отец Александра – Раджаб Кадыров – после возглавлял пенитенциарную систему Узбекистана, занимая должность замминистра внутренних

дел. Так ли это на самом деле – неизвестно.

Учился и благополучно закончил наш курсант Харьковское училище тыла. Готовило оно, ко всему прочему, и офицеров для погранвойск, которые, в свою очередь, входили в состав войск КГБ. Отправился он на службу не куда-нибудь, а в Германию, для чего нужно было иметь как очень хорошие связи, так и очень хорошую характеристику.

Как бы там ни было, но потом, как-то сразу, – увольнение в запас, бригада, занятие каким-то бизнесом в виде автосалона, который никакого дохода в те годы приносить не мог и, без перехода, – газовый бизнес, причем и с Узбекистаном в том числе, требующий громадных ресурсов. Ну, прямо как у нашей газовой принцессы Тимошенко, которую всегда боялись и политики, и бандиты, и главы государства.

Газовый бизнес рос как на дрожжах. Кому, в каком бреду придет мысль поверить, что туда вообще пускают посторонних и только что уволившихся лейтенантов? В данную цепочку очень вписывается и подмятие нашим героем всех значимых местных конкурсов красоты и модельных агентств, или вип-вертепов, чем они на самом деле и являются.

Вообще, данный вид деятельности всегда и во всех странах находился под шефством спецслужб. Уж больно много полезной и нужной информации можно получить, курируя всякие конкурсы и агентства, якобы, красоты. Как известно, эти девочки с простыми слесарями не общаются. Вся инфор-

мация, собранная там, очень помогает ее владельцу играть на слабостях и пороках влиятельных персон, видных политических и общественных деятелей. К тому же, девочки – бездонный кладезь компромата на неговорчивых клиентов.

В настоящее время господин Кадыров знаком и с Президентами, и с Ван-Даммами, да и проживает за границей.

А тогда усилия милиции увенчались осуждением семерых его подчиненных. Фактически это была ликвидация бригады Кадырова. Однако сам Кисель не пострадал – по делу не проходил, не задерживался, не давал показаний. Он не принимал непосредственного участия в вымогательствах. Рядовые же бойцы, задержанные убоповцами на рынке, не осмеливались дать показания на Деда. Таким образом, в первой принципиальной стычке с органами организованная преступность отделалась малой кровью.

Но, вцепившись в Киселя, милиция челюстей не разжимала. Решили достать Владимира Карповича через сына. В милицейских кругах была оперативная информация, что еще в ноябре 90-го то ли восемнадцатилетний Вадим Кисель, то ли Вячеслав Король в ходе горячей беседы, происходящей у гостиницы «Мир», нанес тяжкие телесные повреждения гражданину Ухо, от которых тот скончался.

Тогда Кисель-младший еще не успел обзавестись собственной бригадой, но вокруг него уже начал формироваться круг друзей с хмурыми взглядами и набитыми костяшками кулаков. Среди близких ему бойцов фигурировали Олег

Мирошниченко по кличке Динамит и уже упоминаемый нами Король. Для задержания Киселя-младшего не доставало прямых свидетельских показаний. УБОП взялся усиленно разрабатывать эту тему. Кисель-старший, почуяв недоброе, спешно эвакуирует сына в Венгрию. И вскоре, после случившегося на Владимирском рынке, от греха подальше, отправляется вслед за чадом.

В это время подавшегося в бега лидера замещают бригады: Усатый и Теплый. А поскольку под Дедом они стояли примерно одинаково, входя в руководящее ядро, то при отсутствии головы, явный лидер не проявился. До вооруженной борьбы за власть дело не дошло, но киселевская группировка просто раскололась надвое, и две новоявленных бригады, урвав свой кусок киселевского наследия, продолжали работать практически автономно.

Через три месяца Кисель убедился, что киевской милиции уже не до него. Он возвращается из-за границы и берет бразды правления разобщенной группировкой в свои руки. Ему не составило труда вновь собрать своих осиротевших воинов в единый, еще более мощный кулак. С развитием коммерческого сектора растут доходы Киселя и численный состав бригады. Владимир Карпович уловил: настал новый этап, нужен качественный рывок, и он начинает коррумпировать органы власти. Прежде всего, следовало навести мосты с милицией.

Владимир Кисель завел дружбу с работниками Москов-

ского райотдела милиции, в частности, с одним из ключевых заместителей начальника РОВД.

Не минул Киселя и передел территорий влияния между разными группировками Киева, и межбригадные страсти. Работали киселевцы нагло, распространяя свое влияния на территории, не подконтрольные им даже формально. Тянули руки даже к далекому левому берегу Киева – исконной вотчине савлоховцев и других бригад.

Наиболее значительные сборища в это время проходили на окраинах: в Быковне, неподалеку от городского кладбища, где схоронен не один десяток павших в междоусобных разборках боевиков, на Лесном кладбище, в поселке Чапавка, вблизи аэродрома «Чайка», в самом центре Киева возле стадионов СКА и Центрального.

В районе Центрального стадиона вообще сходились интересы и Киселя, и Савлохова, и Авдышева, и Купца, и Москвы с Черепом. Часто они заканчивались милицейскими задержаниями. Были и убийства. Братва – люди горячие.

Таким образом, к концу 1992 года у лидеров киевских бригад самым актуальным был вопрос элементарного выживания – умирать, пусть даже в Мерседесе 600, никому не хотелось. Самым надежным средством выжить становилось умение мыслить и идти на компромиссы. Те, кто не успел этого понять, почили вечным сном.

В апреле 1993 года в кафе «Львов» состоялась первая сходка лидеров столичных бригад. Представительное собра-

ние констатировало: разделение города на сферы влияния происходит хаотично, в зависимости от активности группировок, а не по административно-территориальному принципу. Действиями группировок руководили экономические интересы – желание подмять под себя те или иные коммерческие структуры, находившиеся в разных частях Киева.

В частности, было решено объединить усилия Авдышева, Савлохова и Киселя. Двое последних должны были в значительной степени легализовать свою деятельность, отойти от активных уголовных методов, сосредоточив усилия на отмывании денег и инвестировании капиталов в легальный бизнес. Авдышев, напротив, оставался на виду, держа в узде коммерческие структуры, прикрывая их от других группировок, – он исполнял роль боевого генерала в преступном триумвирате.

Кисель, руководствуясь природной недоверчивостью, не стал полностью перестраивать структуру своего сообщества в соответствии с договоренностями. Он оставил при себе небольшой мобильный отряд под началом Геши. Его экономической базой были фирмы «Денди» и «Томпо», а возглавляли их ближайшие друзья и советники, входящие в долю с Киселем – некто Михаил Бродский и Олег Мессель-Веселяк.

Основными направлениями по отмыванию денег стали операции на валютной бирже и торговля нефтью. Механизм отмывания денег через биржу был весьма замысловат и свидетельствовал о том, что Дед вышел на качественно новый

уровень. Первым этапом процесса легализации был перевод наличных грязных денег в безнал. Делалось это, как правило, через контролируемые Киселем казино. Также деньги шли вторым путем: по липовым договорам – наличка переводилась на фирмы, в которых работали хорошие знакомые Киселя.

Далее средства накапливались на счетах пяти-шести таких киселевских фирм, как «Денди», «Мариам», «Томпо» – на основании, опять-таки, липовых договоров. Туда же направлялись и средства, пропущенные через казино.

Вслед за этим фирмы-накопители делали заявки на покупку валюты в контролируемые ими банки: «Инко», «Градобанк», «Видрождения», «Украинская финансовая группа». Движения средств на этом этапе отслеживал некто Гриша Суркис.

Несмотря на это, Дед продолжал собирать дань на автозаправках, стоящих на окружной дороге и некоторых – с территории Киевской области. Интересы Деда распространяются уже на многие регионы Украины.

В 1994 году представитель киселевской бригады отправился в Черкассы, чтобы поставить одну из местных бригад перед фактом: отныне они будут двигать долю наверх, то есть Киеву. Так постановил Дед. Посланца приняли в Черкассах негалантно, в столицу он вернулся не солоно хлебавши. Продолжением этой истории стал ответный визит в Киев черкасского бандита по кличке Торпеда. После беседы с Киселем

Торпеда отправился восвояси. По дороге домой черкасские гости были расстреляны из автоматов.

Были конфликты у киселевцев и в Житомире во главе с Борисом Стариковским по кличке Старик, главой местной преступной группы «Полевая» и его поделщиком Бочковским с погонялом Боча.

Поддерживал Кисель связи с Кидалой и Колей Тритенко из Черновцов; Кайдаком из Днепропетровска; Воркутинцем и Зайей из Житомира; с Францем и «Топорами»: Топор, Солик и Гриша из Запорожья; с Интеллигентом из Николаева; с «Джейранами» из Лубнов; с Витей Корниенко, возглавлявшим бригаду «Леволета» из Ровно; с Колей-Киевским из Тернополя; с Анталом и Ратой из Ужгорода; с «Боксёрами» из Мукачево; с Батоном, Испанцем, Самвелом из Харькова; с «Торпедами» из Черкасс; с Бугаем, Плахтием Сашей и Валерой Аухманом из Чернигова, а также с братвой из России, Белоруссии и Кавказа. И везде Кисель был уважаемым человеком.

Входила в состав бригады Киселя и интернациональная банда.

Адхам Мухамед Гамлуш, гражданин Ливана, прибыл в Киев в 1992 году. Учился в Киевском политехническом институте, женился на студентке института легкой промышленности. Бросив институт, занялся торговлей. Навел концы с таможенниками аэропорта «Борисполь».

В дальнейшем Гамлуш познакомился с Пекул Карбюла

Хусейном, занимающимся переправкой нелегалов из Ливана в Западную Европу, и подключился к этому бизнесу. В 1993 году на него наехали боевики группы Зосула. С тех пор группа Зосула стала получать двадцать пять процентов от бизнеса ливанцев.

Знакомство с некими Хазем Хасаном и Мустафой дало очередной толчок бизнесу Гамлуша. Последние специализировались на поставке в Украину фальшивых американских долларов и наркотиков, которые сбывались в Киеве через ливанских студентов. Не брезговали этим занятием и некоторые кисилевские товарищи.

Мустафа свел Гамлуша с ливанцами Хусейном, Бааюн Мохомад Али Махмудом (кличка Мукки), Рому Мохомад Исматом (кличка Мухамед), Аль Саид Ахмад Хашимом (кличка Жак) и Екд Мохомад Ибрагимом, которые оптом скупали у Гамлуша фальшивые банкноты, а затем реализовывали их в розницу.

В 1993 году Гамлуш создал собственную преступную группировку из ливанских беженцев и занялся грабежами, разбоями и вымогательствами, в качестве жертв выбирая обеспеченных земляков.

Зосул свел Гамлуша с очень серьезными людьми – Петром Хайдабером и Петром Онищенко, известным нам как Петя Хмарук. По просьбе Хайдабера араб поставлял фальшивые доллары, которые доставляли в Киев Мустафа и Хазем.

Отдельные члены группировки Гамлуша являлись члена-

ми террористической группы «Хезболла» со штаб-квартирой в Бейруте. Ливанские власти разыскивали Гамлуша за совершение ряда убийств, разбойных нападений, заказных преступлений. Во второй половине девяностых Гамлуш был вынужден выехать из Украины.

Так, что Кисель был ничем не слабее бригады «Люкс», контролировавшей весь Донбасс, а позже и Киев.

Теперь интересы Деда затрагивают и весьма серьезные сферы украинской экономики практически во всех регионах Украины. Среди них – металл, горно-обогатительные комбинаты, международные автомобильные перевозки, контрабанда автомобилей, сфера услуг и многое другое.

Девятого июня 1994 года состоялась еще одна сходка авторитетов Киева. Результатом встречи стало создание «Клуба Семи» – своеобразного криминального координационного центра, в который вошли Виктор Авдышев – Авдыш, Владимир Кисель – Дед, Игорь Фадеев – Москва, Борис Савлохов – Савлохов, Валерий Прыщик – Прыщ, Вячеслав Пересецкий – Фашист, Александр Ткаченко – Ткач. Главным был избран Савлохов Борис Сосланович. На сходку не были приглашены Рыбка, Князь, Купец и Татарин. Авторитетный сходняк разработал негласный устав, основной посыл которого – хватит крови, конфликты впредь решать миром, идти на обоюдные компромиссы. Все решения должны были выполняться без обсуждений и возражений.

Тут же был собран еще один сходняк на котором разби-

рали вопрос о количестве группировок в Киеве. Обсудили и возможность самостоятельности групп Грузина и Стаса, который откололся от Авдышева. Этим командам в самостоятельности было отказано. Стас примкнул к Киселю.

Разобрали проблему чеченцев и боярской группы Османа, которой руководил Ботинок (Валера Полуботок), также вышедший из банды Авдышева. Но, как ни призывали славянские авторитеты чеченцев к порядку, как ни угрожали, как ни предлагали им влиться к Савлохову или Авдышеву, так ничего у них и не вышло. У чеченцев всегда один ответ:

– На конспиративных квартирах сидят наши люди и готовы в любой момент приехать в Киев и всех перестрелять. Они только ждут сигнала.

И, как ни странно, ответ был очень действенным. Тем более, что чеченцев почти всегда негласно поддерживали их кавказские товарищи Авдышев и Савлохов. Наверное, именно поэтому, чтобы соблюсти формальный порядок, группа Руслан-бая была приписана к Авдышеву, а группа Османа – к Савлохову. И это не единичный случай, когда кого-то к кому-то приписывали.

Я как-то разговаривал с одним знакомым, весьма авторитетным, недавно освободившимся уркой:

– Алик, ты у кого сейчас работаешь?

– У меня своя бригада, человек тридцать, но числюсь за Рыбкой.

Числится он. Бюрократия и бригадных захватила.

По решению сходки в Киеве определились семнадцать бригад: «Золотая Семерка» (или «Клуб Семи»), плюс бригады Рыбки, Татарина, Князя, Купца, Конона, Кирилла, Багаева, Черного, Арзамасцева, Кайсона, Балабана, Швилика. Не дали самостоятельности Нельсонам, а группу Гудиева не признали. Балабан со Швиликом (Эдуард Багиашвили) тут же объединились, к ним примкнул и Лукаш со своими людьми.

В это время к доению всевозможных фирм и частных предприятий успешно подключились и всевозможные правоохранительные органы под предлогом недостаточного финансирования этих самых органов государством. Почти в каждую фирму приходили различные люди и предлагали переориентировать свою крышу на них: бывших и нынешних ментов, спецназовцев, эсбэушников, прокурорских и прочих им подобных. Кто-то верил, что так будет лучше, но мы – нет. Имели с ними дело и знали, что когда за дело берутся менты, то платить приходится в два, а то и три раза больше.

В 1995 году Владимир Кисель близко сошелся с господином Пресманом, который хоть и не участвовал ни в каких бандитских разборках и своей бригады не имел, но был очень уважаемым в Киеве человеком. Пресман плотно работал с такими авторитетами, как Пуля, Джиба, Авдышев. Дед с Пресманом взяли в долевики Мишу, директора валютного магазина «Каштан», некую Викторию, да и открыли кафе

«Виктория» на Печерске, где стали собираться единомышленники: Авдышев, Кисель, Савлохов, Купец, Татарин, ну и, конечно же, известный тусовщик Рыбка.

Очень смешно выглядел там «человек, похожий на Бродского», о котором киевские журналисты говорили, что он в узких кругах своих приспешников пускает слюни и пытается всем втереть, что был, якобы, правой рукой очень известного авторитетного человека по прозвищу Кисель. На самом деле, утверждают реальные уголовники, некий Мишаня, он же Пупс, если уж и присутствовал в криминальных компаниях, то шестерил и был на побегушках – подай бутылку, порежь колбаску.

Это при том, что в то самое время Миша руководил целым концерном, владеющим сетью обменников по всему Киеву, открывал рестораны и создавал политические партии, держал газету, которая, всю печатала нелицеприятные материалы на министра внутренних дел. Он был также правительственным уполномоченным. На самом деле «человек, похожий на Бродского» был просто легальным руководителем легализованного криминального бизнеса.

В сентябре 1996 года Дед попытался выйти на еще более высокий уровень, для чего Пресман возил Владимира Киселя в США для знакомства с Семеном Могилевичем и представил его как лидера бригады, чья силовая структура будет делать крыши фирмам, входящим в синдикат Могилевича. Ничего из этого не вышло.

Зато, когда в феврале 1996 года Дед праздновал свой пятидесятилетний юбилей, отдать дань уважения мэтру в ресторан явились депутат и бывший замминистра внутренних дел, депутаты помельче, чиновники из числа городского руководства. Вот такие у нас депутаты и министры.

А Владимир Карпович не унимался. Кисель-старший стал депутатом Голосеевского района города Киева, был избран президентом Федерации греко-римской борьбы Украины.

Обретя новый статус, Кисель все равно открывал рестораны, дискотеки и спортивные клубы. Партнеров по бизнесу он подбирал с особой тщательностью, чтобы потом можно было без проблем от них избавиться. Схема была проста – часть расходов, а также все работы по организации и развитию бизнеса ложатся на партнера. После того, как бизнес заработает и начнет давать прибыль, дольщик либо оказывался на улице ни с чем, либо и вовсе как-то сам по себе отправлялся на тот свет.

Первым пострадал кум Киселя. Не прошло и года – Дед забирает у него долю в одном из заводов, равную двум миллионам долларов. Вторым по списку был Александр Пресман, который имел неосторожность открыть с Киселем совместно «Киевспортклуб». Денег Пресман не видел и по сей день. Третьим на очереди стал его бизнес-партнер Михаил Франчук, с которым Кисель владел фешенебельным развлекательным центром «Мандарин» в самом центре Киева на Бессарабке и китайским рестораном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.